

МАРК ЛЕВИ

*Уйти,
чтобы вернуться*

Марк Леви

Уйти, чтобы вернуться

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Уйти, чтобы вернуться / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2012

ISBN 978-5-389-06453-9

Эндрю Стилмен, талантливый журналист, сделал блестящую карьеру в газете “Нью-Йорк таймс”. Его статьи пользуются огромным успехом, и это вызывает зависть коллег. Собирая материал для будущей статьи, Эндрю по ходу журналистского расследования встречается с опасными людьми. Однажды во время утренней пробежки на него нападает неизвестный. Смертельно раненный, он теряет сознание, а очнувшись, понимает, что попал на два месяца назад. Судьба дала ему второй шанс, нужно только найти убийцу...

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-06453-9

© Леви М., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

1	6
2	8
3	13
4	18
5	23
6	30
7	35
8	37
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марк Леви

Уйти, чтобы вернуться

Marc Levy
SI S'ÉTAIT À REFAIRE

www.marclevy.info

© Editions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2012

© Фото автора на обложке, Denis Liscuyer & Marc Hansel

© А. Кабалкин, перевод на русский язык, 2012

© ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”, 2012

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Луи, Жоржу и Полине

Какое было бы счастье отказаться от себя так же, как мы отказываемся от других.

Маркиза дю Деффан

1

Раствориться в толпе, разыграть эту причудливую драму так, чтобы никто ничего не заметил, никто ничего не запомнил.

Бег трусцой, соответствующая одежда, чтобы не привлечь внимания. Семь часов утра, Ривер-парк, одни бегуны. В городе, где каждая минута на счету, где нервы у каждого натянуты как канаты, приходится торопиться; здесь бегают, чтобы поддерживать форму, стереть следы вчерашних излишеств, не подпустить к себе стресс грядущего дня.

Скамейка; поставить ногу на сиденье, завязывать шнурок, пока цель приближается. Опушенный на лоб капюшон уменьшает обзор, зато скрывает лицо. Заодно отдышаться, справиться с дрожью в руках. Пот не в счет, он не привлекает внимания, не выдает – здесь все потные.

Когда он появится – пропустить его, немного подождать, затем продолжить неспешный бег. Сохранять дистанцию до наступления подходящего момента.

Вся сцена отрепетирована уже семь раз – утро за утром, в одно и то же время. И всякий раз огромный соблазн перейти к делу. Но успех зависит от хорошей подготовки. Права ошибиться нет.

Вот он, верный своей привычке: бежит по Чарльз-стрит. Переживает красный сигнал светофора, чтобы пересечь первые четыре полосы на Вест-Сайд-хайвей. Машины тянутся в северную часть города, люди спешат на работу.

Он стоит на центральной разделительной полосе. Человечек на светофоре уже мигает. Машины движутся в сторону Трайбеки и Финансового квартала бампер к бамперу, тем не менее он пересекает мостовую. Как всегда, в ответ на гудки грозит кулаком, показывает средний палец, потом сворачивает влево и пускается бежать по пешеходной аллее вдоль Гудзона.

Смешавшись с другими бегунами, он минует свои двадцать кварталов, с наслаждением обгоняя тех, кто не в форме, и проклиная бегущих быстрее его. Пусть не зазнаются, они ведь на десять, а то и на все двадцать лет моложе. Когда ему было восемнадцать, в эту часть города мало кто заглядывал, но он был среди первых, кто уже тогда выбивался здесь из сил. Свайные доки, от которых теперь почти ничего не осталось, всплывающая кверху брюхом рыба, ржавчина... И запах крови. Как же изменился, помолодел, похорошел город за двадцать лет! А у него эти годы оставили на лице заметные отметины.

На другой стороне реки гаснут в свете наступившего утра огни Хобокена, следом выключают электричество в Джерси-Сити.

Не терять его из виду; на пересечении с Гринвич-стрит он покинет пешеходную аллею. Необходимо действовать на опережение. Этим утром он не доберется до “Старбакс-Кофе”, где каждый раз заказывает мокачино.

У 4-го пирса его настигнет тень, незаметный, но неутомимый преследователь.

Еще квартал. Ускорить бег, смешаться с другими, всегда сбивающимися здесь в густую толпу: на сузившейся аллее самые медлительные мешают самым быстрым. Под рукав проскальзывает длинная игла, налитая решимостью рука твердо сжимает оружие.

Сухой удар между крестцом и нижним ребром, выдернуть иглу и ударить снова, проникнуть глубже, чтобы продырявить почку и добраться до брюшной артерии. Извлеченное оружие оставит неоперабельные разрывы. Пока кто-то поймет, что произошло, пока подоспеет помощь, пока его доставят в больницу, а там в операционную, спасти его уже не удастся. Надо еще доехать до больницы в утренний час пик, когда даже самая оглушительная сирена не помо-

гает: при таком плотном движении водителю “скорой” останется только проклинать свое бессилие.

Пару лет назад у него еще был бы какой-то шанс выжить. Но теперь, после закрытия госпиталя Святого Винсента – не без вмешательства торговцев недвижимостью, – до ближайшего Центра экстренной помощи придется ехать на противоположную, восточную сторону Манхэттена. За это время он успеет истечь кровью.

Слишком сильные мучения ему не грозят, просто нарастающий озноб, постепенная утрата чувствительности в конечностях, зубы будут стучать так, что он не сумеет ничего сказать, – да и о чем говорить? О сильном уколе в спину? Ну и что? Что сможет заключить из этого полиция?

Безупречные преступления существуют: даже лучшие полицейские признаются вам под конец карьеры, что у каждого из них на совести тяжкий груз нераскрытых дел.

Вот он и достиг нужного места. Удар отработан несчетное число раз на мешке с песком, но проникновение иглы в человеческую плоть – это совершенно другое ощущение. Тут главное – не угодить в кость. Ткнешь в поясничный позвонок – потерпишь неудачу. Загнать иглу как можно глубже и тут же убрать ее обратно в рукав.

И бежать дальше в прежнем темпе, поборов желание оглянуться, сохранять анонимность, остаться невидимкой среди других бегунов.

Столько часов подготовки – ради нескольких решающих секунд!

Умирать он будет дольше, вероятно где-то полчаса, но все равно уже нынешним утром, примерно в 7.30, он отправится на тот свет.

2

Май 2011 года

Эндрю Стилмен – журналист “Нью-Йорк таймс”. В двадцать три года его приняли на должность со сдельной оплатой, и с тех пор он, ступенька за ступенькой, поднимался по профессиональной лестнице. Его юношеской мечтой было получить журналистское удостоверение одной из самых уважаемых в мире ежедневных газет. И вот теперь каждое утро, прежде чем пройти через двойные двери дома номер 860 по Восьмой авеню, Эндрю не отказывал себе в удовольствии задрать голову. Глядя на надпись на фасаде, он говорил себе, что его рабочее место – здесь, в святой святых прессы, где мечтают оказаться хотя бы разок, просто с экскурсией, тысячи бумагомарателей.

Четыре года он перекладывал бумажки, прежде чем заслужить должность заместителя редактора отдела некрологов в “Хронике дня”. До него это место занимала женщина, угодившая при выходе с работы под автобус и, соответственно, в колонку, которую раньше сама и составляла. Бедняжка торопилась домой, чтобы получить заказанный по Интернету комплект нижнего белья. Как хрупка жизнь!

Следующие пять лет Эндрю Стилмен посвятил труду на условиях полной анонимности. Некрологи выходят без подписи – все внимание к самим усопшим! Целых пять лет он писал о людях, от которых остались одни воспоминания – о ком-то хорошие, о ком-то дурные. Тысяча восемьсот двадцать пять дней и без малого шесть тысяч сухих мартини по вечерам, между 19.30 и 20.15, в баре отеля “Мариотт” на 40-й улице.

Эндрю всегда просил класть ему в коктейль по три оливки. Сплевывая косточки в наполненную окурками пепельницу, он гнал из памяти хроники угасших жизней, которые он сжато излагал весь рабочий день. Наверное, жизнь в обществе мертвецов и заставила Эндрю потянуться к бутылке. На четвертый год этой “некрологической службы” бармену “Мариотта” приходилось наливать постоянному клиенту уже по шесть порций, чтобы утолить его жажду. Эндрю часто приходил на работу серый, с набрякшими веками, в рубашке со съехавшим набок воротом и мятом пиджаке. Но дресс-код “костюм – галстук – крахмальная рубашка” уже перестал действовать в редакционных залах его газеты, тем более в его редакции.

То ли благодаря его изящному и точному перу, то ли по причине особенно жаркого лета его колонки вскоре разрослись на целых две страницы. Помешанный на статистике аналитик финансового отдела, готовивший квартальный отчет, обратил внимание на то, как увеличился спрос на газетную площадь в пересчете на одного покойника. Безутешные родственники оплачивали все больше строк, дабы засвидетельствовать глубину своей скорби. На крупных предпрятиях о благоприятных цифрах быстро становится известно. В начале осени совет директоров, по достоинству оценив такие выдающиеся результаты, постановил вознаградить автора: он заслужил признание. Эндрю Стилмена назначили редактором другой рубрики в той же “Хронике дня” – брачного, финансовые результаты которого выглядели плачевно.

Эндрю никогда не жаловался на недостаток свежих идей. Он временно перестал наведываться в свой излюбленный бар и зачастил в шикарные заведения, завсегдатаями которых были видные фигуры городского гомосексуального сообщества. Заводя знакомства за несчетными мартини, он без устали раздавал свои визитные карточки, втолковывая любому, кто соглашался его выслушать, что его рубрика охотно помещает любые объявления о супружеских союзах, включая такие, от которых другие газеты отказываются. Однополые браки в штате Нью-Йорк тогда еще не были легализованы, до этого было далеко, однако пресса свободно уведомляла о любых добровольных обменах клятвами, совершаемых в частном порядке: достаточно было одного намерения сторон.

За следующие три месяца раздел “Хроника дня” в воскресных номерах газеты раздался до четырех полос, отчего зарплата Эндрю Стилмена претерпела существенные изменения.

Он решил сократить употребление спиртного, но не из заботы о своей печени, а потому что купил автомобиль “Датсун 240Z” – модель, о которой мечтал с детства. Полиция теперь проявляла нетерпимость к пьяным за рулем: либо пить, либо кататься! Эндрю, всей душой прикипевший к этой почтенной машине, безукоризненно восстановленной в мастерской его лучшего друга, специалиста по коллекционным автомобилям, сделал выбор в ее пользу. Отныне, заглядывая в бар “Мариотта”, он употреблял не больше двух коктейлей за вечер – всегда, кроме четверга.

Спустя несколько лет именно в четверг Эндрю, выходя из бара, столкнулся нос к носу с Вэлери Рэмси. Она набралась не меньше его и тоже не смогла побороть приступ неконтролируемого смеха, когда, зацепившись за газетный автомат, шлепнулась на спину посреди тротуара.

Эндрю тут же узнал Вэлери – не по внешности, которая за двадцать лет после их знакомства кардинально изменилась, а по смеху. От этого незабываемого смеха, как и прежде, колыхалась ее грудь, – а мысль о груди Вэлери Рэмси неотступно преследовала Эндрю всю юность.

Они познакомились в школе. Вэлери, выгнанная из группы “чирлидерш” – девушек в сексуальных костюмчиках цветов местной футбольной команды – за дурацкую ссору в раздевалке с девчонкой-задавакой, очутилась на фанатской трибуне. Эндрю спортом не занимался – он страдал атрофией коленных хрящей, которую прооперировал только через несколько лет, чтобы понравиться одной любительнице потанцевать, – однако с удовольствием упражнял голос на той же трибуне.

Их флирт продолжался до конца учебы. Настоящим сексом это не назовешь, но рукам и языкам они многое позволяли, в своих развлечениях отдавая должное пышным формам Вэлери.

Именно ей он был обязан своим первым самостоятельным оргазмом, пусть и достигнутым вручную. Как-то раз после очередного матча наши два голубка проворковали в раздевалке дольше обычного, что привело к согласию Вэлери запустить руку в джинсы к Эндрю. Пятнадцать секунд головокружения и смех Вэлери, чья волнующаяся грудь усилила его мимолетное удовольствие. А первый раз не забывается.

– Вэлери?.. – пролепетал Стилмен.

– Бен?.. – удивилась не меньше, чем он, Вэлери.

В старших классах у него почему-то было такое прозвище – Бен. Вот уже двадцать лет его так не называли.

В оправдание своего жалкого состояния Вэлери что-то наплела про встречу с подружками, такую бурную, каких у нее не бывало с университета. Эндрю выглядел ничуть не лучше: он получил повышение, объяснил он, не уточнив, что случилось это два года назад, – какая разница, когда праздновать приятные события?

– Какими судьбами в Нью-Йорке? – спросил Эндрю у Вэлери.

– Я здесь живу, – услышал он в ответ, помогая ей подняться.

– Давно?

– С некоторых пор. Не спрашивай с каких, мне сейчас не до арифметики. Ты-то как?

– Я стал тем, кем всегда хотел стать. А ты?

– Двадцать лет жизни – долгая история, знаешь ли, – ответила ему Вэлери, отряхивая юбку.

– Девять строк, – сказал Эндрю со вздохом.

– Какие девять строк?

– Можешь мне поверить, я умещу двадцать лет любой жизни в девять строк.

– Не верю.

– Спорим?

– На что?

– На ужин.

– У меня есть мужчина, Эндрю, – предостерегла его Вэлери.

– Я же не предлагаю тебе ночь в отеле. Просто суп с клецками в “Шанхайском Джо”. Ты не разлюбила клецки?

– Обожаю!

– А другу скажешь, что я – бывшая одноклассница.

– Сначала попробуй засунуть в девять строчек мои последние двадцать лет.

Вэлери смотрела на Эндрю, улыбаясь одним уголком губ, как в те времена, когда она манила его, тогда еще Бена, в кусты за школьным корпусом. У нее была все та же неотразимая улыбка.

– Идет, – сказала она, – давай еще по рюмочке. Сейчас я обрушу на тебя свою жизнь!

– Только не в этом баре, здесь слишком шумно.

– Слушай, Бен, если ты надеешься затащить меня сегодня к себе, то не на ту попал.

– У меня этого и в мыслях не было, Вэлери, просто мы с тобой так набрались, что недурно бы закусить. А иначе напрасно мы заключали пари.

Эндрю был прав. Хотя туфли Вэлери, которую он поднял и поставил на тротуар, впились острыми каблучками в грязный асфальт, ее качало, как на палубе корабля. Предложение закусить пришлось ей по вкусу. Эндрю свистнул, подзывая такси, и назвал водителю адрес ночного ресторанчика в Сохо, куда он часто навещался. Через пятнадцать минут они с Вэлери уже сидели за столиком друг против друга.

Сначала она стала стипендиаткой университета в Индианаполисе: из тех, в которые она разослала свои результаты, он первым сообщил, что она принята. Она не мечтала о Среднем Западе в юности, но ждать предложений от более престижных учебных заведений не стала: без стипендии ей была бы прямая дорога в официантки в Покипси – дыре на севере штата Нью-Йорк, где они оба выросли.

Прошло восемь лет, и Вэлери с дипломом ветеринара в кармане покинула Индиану, чтобы, подобно многим целеустремленным девушкам, поселиться на Манхэттене.

– Ты все эти годы проучилась на факультете ветеринарии в Индиане, чтобы осесть в Нью-Йорке?

– Почему бы и нет? – удивилась Вэлери.

– Это была твоя мечта – лазить в задницы к пуделям?

– Ты болван, Эндрю!

– Не хотел тебя обидеть, но, согласись, на Манхэттене зверья не так-то много. За вычетом бабушек с собачками из Верхнего Вест-Сайда, что за клиентура у тебя остается?

– В городе, где два миллиона холостяков и незамужних, многие держат животных-компаньонов.

– Понятно. Значит, ты еще лечишь хомячков, котиков и золотых рыбок.

– Я – штатный ветеринар конной полиции. Мои пациенты – лошади, а также собаки бригады кинологов, где пуделей в помине нет. Только лабрадоры для поиска трупов, несколько немецких овчарок в предпенсионном возрасте, ретриверы, натасканные на наркотики, и бигли – эти специализируются на взрывчатке.

Эндрю удивленно смотрел на нее, поднимая попеременно то одну, то другую бровь. Этому фокусу он научился, осваивая журналистское ремесло. Верный способ смутить собеседника! Когда Эндрю сомневался в искренности интервьюируемого, то устраивал это представ-

ление и по реакции “клиента” определял, врет тот или нет. Но лицо Вэлери осталось непроницаемым.

– Если честно, – протянул он, – такого я не ожидал. Ты сотрудница полиции или просто ветеринар? Может, у тебя за пазухой удостоверение копа и “пушка”?

Вэлери внимательно на него посмотрела и расхохоталась.

– Как я погляжу, после нашей последней встречи ты здорово возмужал! Хотя, если приглядеться, так и остался прежним Беном.

– В общем, ничего удивительного, что ты стала ветеринаром, – произнес Эндрю ей в тон. – Ты всегда была без ума от зверушек. Помню, звонишь мне однажды и просишь прийти как можно скорее. Я вообразил, что тебя охватило острое желание, но где там: ты заставила меня тащить в клинику старого зловонного кобеля со сломанной лапой, которого подобрала на улице по дороге из школы. Пришлось будить среди ночи ветеринара.

– Ты это помнишь, Эндрю Стилмен?

– Я помню все, что у нас с тобой было, Вэлери Рэмси. Ну-ка, выкладывай, что произошло между тем полуднем, когда я не дождался тебя у кинотеатра у нас в Покипси, и тем вечером, когда ты объявилась опять?

– С утренней почтой пришло письмо о том, что меня приняли в университет в Индианаполисе, и я не могла ждать ни одного дня. Я собрала чемодан, взяла деньги, которые скопила, работая летом и сидя с чужими детьми, и в тот же вечер удрала из Покипси. Как же я радовалась, что мне не придется больше слушать, как ссорятся родители! Представляешь, им даже в голову не пришло проводить меня на автовокзал... Ты пообещал бывшей однокласснице всего девять строчек, поэтому избавлю тебя от подробностей моей университетской жизни. В Нью-Йорке я подрабатывала в разных ветеринарных клиниках. Потом ответила на объявление полиции. Сначала довольствовалась должностью ассистентки, но вот уже два года числюсь в штате.

Эндрю попросил проходившую мимо официантку принести два кофе.

– Как же здорово, что ты служишь ветеринаром в полиции! Я накопал кучу некрологов и свадебных объявлений – тебе столько и не вообразить, но с людьми твоей профессии еще не сталкивался. Для меня новость, что она вообще существует!

– Существует, не сомневайся.

– Между прочим, я был на тебя страшно зол.

– За что?

– За то, что сбежала, даже не попрощавшись.

– Ты был единственным, кого я предупредила, как сумела, что уезжаю.

– Я не понял, что это было предупреждение. Только теперь, когда ты все рассказала, до меня дошло.

– Ты до сих пор злишься? – насмешливо спросила Вэлери.

– Надо бы, наверное, но за давностью лет, как говорится...

– А ты что, действительно стал журналистом?

– Откуда ты знаешь?

– Я тебя спросила, чем ты занимаешься, а ты ответил: “Я стал тем, кем всегда хотел стать”. Ты же хотел быть журналистом!

– Ты это помнишь, Вэлери Рэмси?

– Я все помню, Эндрю Стилмен.

– Говоришь, у тебя кто-то есть?

– Уже поздно. – Вэлери вздохнула. – Мне пора. Я и так столько наболтала, что ты ни за что не втиснешь все это в девять строчек.

Эндрю хитро улыбнулся:

– Иначе говоря, ты согласна поужинать со мной в “Шанхайском Джо”?

– Если выиграешь пари. Я держу слово.

Они молча дошли по безлюдным улицам Сохо до Шестой авеню. На перекрестках Эндрю брал Вэлери под руку, чтобы она не споткнулась на щербатой мостовой этого старого района.

Потом он позвал такси, ехавшее по авеню в северном направлении, и придержал дверцу, чтобы Вэлери устроилась на заднем сиденье.

– Встреча с тобой – не случайность, а чудо, Вэлери Рэмси.

– Для меня тоже, Бен.

– Куда отправить тебе мое сочинение в девяти строках?

Вэлери порылась в сумочке, нашла карандаш для глаз и потребовала, чтобы Эндрю поставил ладонь – написать телефонный номер.

– Пришлешь свои девять строк эсэмэской. Спокойной ночи, Бен.

Эндрю проводил машину взглядом. Когда она скрылась из виду, он побрел домой. До его квартиры было пятнадцать минут пешком, а ему хотелось подышать воздухом. Он сразу запомнил записанный у него на ладони номер телефона, но на всякий случай постарался по дороге не сжимать ладонь.

3

Давно уже Эндрю не брался резюмировать в считанных строчках чью-то жизнь. Два года он трудился в редакции мировых новостей. У него вызывала острое любопытство жизнь как таковая и в особенности ее устройство в мировом масштабе, поэтому его внимание привлекало все, имевшее отношение к загранице.

Теперь, когда на смену линотипам былых времен пришли компьютерные мониторы, любой сотрудник редакции имел доступ к статьям для завтрашнего номера. Эндрю постоянно обнаруживал в международных новостях аналитические ошибки, а то и попросту неправду. Благодаря его замечаниям на еженедельных редакционных совещаниях, где собирались все журналисты газеты, удавалось избегать читательского возмущения и, соответственно, извинений в последующих номерах. Компетентность Эндрю не осталась незамеченной, и, когда ему предложили выбрать между двумя вариантами поощрения – годовой премией и новой должностью, он не колебался.

Ему вновь представился случай составить “хронику жизни”, как он называл свои прежние сочинения, и это вызвало у него прилив воодушевления. Принявшись за жизнеописание Вэлери, он даже испытал легкую ностальгию.

По прошествии двух часов он набрал на клавиатуре своего телефона готовые восемь с половиной строк и отправил их по назначению.

Остаток дня он посвятил тщетным попыткам сочинить статейку о возможности народного восстания в Сирии. Коллеги в подобную перспективу не верили, можно даже сказать, напрочь ее отвергали.

Сосредоточиться никак не удавалось: он то и дело переводил взгляд с монитора компьютера на мобильник, но тот молчал. Когда в пять часов вечера дисплей наконец загорелся, Эндрю жадно схватил телефон. Ложная тревога: уведомление из прачечной: его рубашки готовы.

Только в полдень следующего дня он получил сообщение:

“В следующий четверг, 19.30. *Вэлери*”.

Он немедленно ответил:

“Ты знаешь адрес?”

И через несколько секунд жалел, что поторопился с ответом, читая и перечитывая лаконичное “Да”.

Эндрю вернулся к работе и семь дней сосредоточенно трудился. Ни капли алкоголя – если только, как и он, не считать пиво алкогольным напитком, ведь оно слишком слабое.

В среду он забрал из химчистки сданный накануне костюм и отправился покупать белую рубашку, а заодно зашел в парикмахерскую подравнять стрижку и побриться. Как всегда по вечерам в среду, в девять он встретился с со своим старым другом Саймоном в неказистом с виду ресторанчике, где лучше, чем где-либо в Уэст-Виллидж, готовили рыбу. Эндрю жил в двух шагах оттуда и ужинал здесь, в “Мэриз Фиш”, когда поздно возвращался из редакции, что случалось нередко. Пока Саймон по своему обыкновению поносил республиканцев, мешавших президенту проводить реформы, ради которых его и выбрали, Эндрю рассеянно наблюдал через витрину за прохожими и туристами, неспешно гулявшими по улицам его района.

– Хочешь, удивлю? Информация из надежного источника: Барак Обама втюрился в Ангелу Меркель.

– А что, она хорошенькая, – рассеянно отозвался Эндрю.

– Одно из двух: либо ты сам раскопал какую-то небывалую сенсацию, и тогда я тебя прощаю, либо кого-то встретил, и тогда выкладывай! – рявкнул Саймон.

– Не то и не другое, – ответил Эндрю. – Просто устал, извини.

– Мне-то не вешай лапшу! Я не видел тебя таким гладко выбритым с тех пор, как ты перестал встречаться с той брюнеткой, на голову выше тебя, – Салли, если мне не изменяет память.

– Софи. Но ничего страшного, просто это доказывает, что ты почти не слушаешь меня – как и я тебя. Подумаешь, имя забыл! Мы же с ней всего-то полтора года вместе прожили!

– Скучная она была, хоть в петлю лезь! Ни разу не слышал, чтобы она засмеялась, – заявил Саймон.

– Да, твои шутки ее не веселили. Доедай быстрее, я хочу на боковую.

– Если ты не признаешься, что тебя гложет, я примусь заказывать десерты и не остановлюсь, пока смерть не разлучит нас.

Эндрю посмотрел другу в глаза.

– Была у тебя в юности девушка, которую ты с тех пор не можешь забыть? – спросил он, одновременно сделав знак официанту, чтобы принес счет.

– Так и знал, что работа тут ни при чем!

– Ошибаешься, я тружусь над потрясающим сюжетом. Мерзкая, прямо-таки тошнотворная история!

– О чем?

– Профессиональная тайна!

Саймон оплатил счет и поднялся из-за стола.

– Давай немного пройдемся, мне хочется подышать воздухом.

Эндрю натянул плащ и вышел на улицу вслед за другом.

– Кэти Стейнбек, – пробормотал тот.

– Кэти Стейнбек?

– Так звали мою юношескую любовь. Я отвечаю на твой вопрос, заданный пять минут назад, если ты забыл.

– Ты никогда мне о ней не рассказывал.

– А ты никогда не спрашивал, – отрезал Саймон.

– Вэлери Рэмси.

– То есть тебе совершенно наплевать, что мне так нравилось в Кэти Стейнбек. Ты задал мне этот вопрос с одной целью: потрепаться про свою Вэлери.

Эндрю ухватил Саймона за плечо и потащил к короткой лесенке, спускавшейся в подвал маленького кирпичного строения. Там располагался бар “Федора”, где некогда, в молодости, выступали такие музыканты, как Каунт Бейси, Нэт Кинг Коул, Джон Колтрейн, Майлз Дэвис, Билли Холидей, Сара Вон.

– Ты считаешь меня эгоистом?

Саймон не ответил.

– Наверное, ты прав. Я столько лет подводил итоги чужих жизней, что в конце концов решил, будто мною самым интересуются только тогда, когда я займу место среди покойников.

Устроившись у барной стойки и подняв рюмку, Эндрю стал громко декламировать:

– Эндрю Стилмен, родившийся в тысяча девятьсот семьдесят пятом году, проработал большую часть жизни в знаменитой “Нью-Йорк таймс”... Вот видишь, Саймон, это как с докторами: сами себя они оперировать не могут, руки дрожат. Тем не менее это азы ремесла: самые хвалебные слова принято приберегать для покойников. Итак. Эндрю Стилмен, год рождения тысяча девятьсот семьдесят пятый, много лет трудился в “Нью-Йорк таймс”. Головокружительный взлет его карьеры пришелся на начало 2020-х годов: он стал главным редактором.

Благодаря ему газета обрела новое дыхание и превратилась в одно из самых уважаемых в мире ежедневных изданий... Я не перебарщиваю?

– Только не начинай опять с начала!

– Потерпи, дай дойти до конца! Я и твой некролог составлю, вот увидишь, будет забавно!

– В каком возрасте ты намерен сыграть в ящик? Хочу знать, сколько еще продлится этот кошмар.

– Кто знает? Медицина идет вперед семимильными шагами... На чем я остановился? Ах да: благодаря ему, тра-та-та, газета обрела прежний престиж. В 2021 году Эндрю Стилмена наградили Пулитцеровской премией за его провидческую статью о... сейчас еще не знаю о чем, уточню позже. Это послужило темой его первой книги, принесшей ему множество наград и ныне изучаемой во всех университетах...

– “Трактат о журналистской скромности” – вот название этого шедевра, – смеясь, подхватил Саймон. – А Нобеля когда получишь?

– В семьдесят два года, я как раз к этому подхожу. Завершив свою блестящую карьеру и уйдя с поста генерального директора, он вышел в отставку, и в следующем году ему вручили...

– Постановление об аресте за умышленное убийство – причинение смерти лучшему другу посредством нестерпимой скуки.

– Где твое сочувствие?

– А чему тут сочувствовать?

– У меня тяжелый период, Саймон. Одиночество замучило, и это ненормально: я ценю жизнь, только когда одинок.

– Тебе скоро сорок, в этом все дело.

– Спасибо тебе. Остается только дожидаться этого переломного момента. Нет, просто у нас в газете атмосфера вредная для здоровья, все мы там живем под дамокловым мечом. Вот и захотелось немного бальзама на сердце... Кем она была, эта твоя Кэти Стейнбек?

– Моей преподавательницей философии.

– Да ну? Вот бы не подумал, что девушка, озарившая твою юность, была... в общем, уже не юной.

– Жизнь – сложная штука: когда мне было двадцать, мою фантазию будили женщины на пятнадцать лет старше меня, а теперь, в тридцать семь, у меня кружится голова от тех, кто на те же пятнадцать лет меня моложе.

– Все дело в твоей голове, старина.

– Не расскажешь мне подробнее про свою Вэлери Рэмси?

– Я столкнулся с ней на прошлой неделе, когда вышел из бара “Мариотта”.

– Понятно...

– Ничего тебе не понятно! Я сох по ней еще в школе. Когда она сбежала из нашего городка, как воровка, заматающая следы, я несколько лет не мог ее забыть. А если начистоту, то я до сих пор не уверен, что мне действительно удалось ее забыть.

– И теперь, встретив ее, ты был жестоко разочарован.

– Наоборот, в ней что-то переменялось, и она теперь волнует меня еще больше.

– Она стала женщиной – как-нибудь на досуге я тебе растолкую, что это такое! Ты хочешь сказать, что снова в нее влюбился? “Эндрю Стилмена прямо посреди 40-й улицы сразила любовь с первого взгляда” – вот это заголовок!

– Я пытаюсь тебе объяснить, но ты не понимаешь. Я потерял покой, а этого со мной давненько не случалось!

– Ты знаешь, как с ней связаться?

– Завтра мы вместе ужинаем. У меня мандраж, будто я сопливый мальчишка!

– Откровенность за откровенность: сдается мне, этот мандраж нас никогда не покинет. Спустя десять лет после смерти моей матери отец познакомился в супермаркете с женщиной. Ему было шестьдесят восемь, и накануне его первого ужина с ней мне пришлось везти его в город: ему приспичило купить новый костюм. В примерочной кабинке он принялся репетировать, что будет говорить ей за столом, стал спрашивать моего совета... Знаешь, как трогательно? Отсюда мораль: перед женщиной, которая нас волнует, мы всегда теряемся, и возраст здесь ни при чем.

– Спасибо, ты меня подбодрил перед завтрашним ужином...

– Я говорю это тебе для того, чтобы ты не совершал оплошность за оплошностью. Тебе будет казаться, что ты говоришь скучно, – возможно, так оно и будет. Зато потом, вернувшись домой, ты станешь упрекать себя в излишней пафосности.

– Ты, главное, не останавливайся, Саймон. Как же здорово иметь настоящих друзей!

– погоди, не ворчи. Я хочу помочь тебе сосредоточиться. Завтра вечером ты должен максимально использовать этот момент, тем более что ты даже не надеялся, что он когда-нибудь наступит. Будь самим собой: если ты ей понравишься, то понравишься таким, как есть.

– Неужели мы так зависим от женского пола?

– А ты оглянись вокруг – хотя бы здесь, в баре. Ладно, о своей преподавательнице философии я тебе расскажу как-нибудь потом. В пятницу мы с тобой обедаем, я жду подробного отчета. Только, если можно, не такого длинного, как твой некролог.

Когда они выходили из “Федоры”, их охватила вечерняя прохлада. Саймон укатил на такси, Эндрю побрел домой пешком.

В пятницу Эндрю поведал Саймону, что его ужин с Вэлери прошел именно так, как тот предсказывал, если не хуже. И сделал вывод, что, кажется, действительно снова влюбился в Вэлери, что его совершенно не устраивало, поскольку она, не слишком распространяясь на эту тему, повторила, что в ее жизни есть мужчина. Ни завтра, ни на следующей неделе она так ему и не позвонила. Эндрю чувствовал, как постепенно впадает в тоску. Субботу он провел за работой в газете, а в воскресенье они с Саймоном играли в баскетбол на площадке на углу Шестой авеню и Уэст-Хьюстон, за неимением слов посылая друг другу мяч.

Воскресный вечер получился невыносимо скучным: еда из китайского рестораника (заказ по телефону) и телевизор – фильм, который он уже видел, вперемежку с хоккейным матчем и частью сериала про хитроумных полицейских, распутывающих гнусные преступления. Этот тоскливый вечер так и тянулся, но в девять часов вдруг зажегся дисплей его мобильного телефона: пришло сообщение – и не от Саймона, а от Вэлери, которой потребовалось немедленно с ним увидеться и поговорить.

Эндрю тут же ответил, что с радостью примчится на ее зов – пусть только уточнит, куда ему мчаться и к какому времени.

“Сейчас”. И текст с указанием места встречи: угол Девятой улицы и авеню А, напротив Томкинс-сквер, в Ист-Виллидж.

Эндрю мельком взглянул на себя в зеркало. Сколько времени нужно, чтобы принять человеческий облик? В шортах и старой тенниске, так и не переодевшись после игры в баскетбол с Саймоном, он выглядел не лучшим образом. К тому же хорошо бы сходить в душ. Однако сообщение Вэлери его встревожило, он чувствовал, что надо торопиться. Поэтому он натянул джинсы и чистую рубашку, схватил ключи и стремглав понесся вниз по лестнице.

Вокруг не было ни души – и ни малейшей надежды поймать такси. Пришлось бежать до Седьмой авеню: там на углу Чарльз-стрит, на светофоре, он заметил такси и успел вскочить в него, прежде чем машина тронулась с места. Водителю он пообещал щедрые чаевые, если тот домчит его до места меньше чем за десять минут.

Трясаясь на заднем сиденье, Эндрю уже сожалел о своем поспешном обещании раскошиться, однако его доставили на место раньше назначенного срока, и таксист получил заслуженное вознаграждение.

Вэлери ждала его перед витриной кафе под названием “Pick Me Up”¹, вызвавшим у Эндрю улыбку – но лишь на мгновение, потому что вид у Вэлери был очень расстроенный.

Стоило ему подойти, как она влепила ему полновесную пощечину.

– Ты заставила меня ехать через полгорода, чтобы врезать мне по физиономии? – простонал он, потирая щеку. – Чем я заслужил такое внимание?

– Мне в жизни не на что было жаловаться, пока я не наткнулась на тебя у того проклятого бара! А теперь я не знаю, на каком я свете.

Эндрю обдало жаром. Он подумал, что только что схлопотал самую упоительную пощечину в жизни.

– Я не стану отвечать тебе тем же, джентльмены так не поступают. Просто скажу: я чувствую то же самое. – Он произнес это шепотом, не спуская с нее глаз. – Последние две недели были хуже некуда.

– Я тоже две недели только о тебе и думаю, Эндрю Стилмен.

– Когда ты дала деру из Покипси, Вэлери Рэмси, я думал о тебе днями и ночами, и так три года кряду, или четыре, а то и больше.

– Это было в другой жизни, я говорю не о тех временах, когда мы были еще подростками, а о сегодняшнем дне.

– И сегодня все по-прежнему, Вэлери. Ничего не изменилось: ни ты, ни то, как на меня подействовала встреча с тобой.

– Вдруг ты просто хочешь взять реванш после всего того, что я заставила тебя вынести?

– Не знаю, откуда у тебя такие дикие мысли. Похоже, в твоей жизни все было не так уж замечательно, как ты говоришь, раз тебе в голову лезет всякая чушь.

Прежде чем Эндрю сообразил, что происходит, Вэлери обвила руками его шею. Сначала он ощутил на губах лишь робкий поцелуй, но Вэлери быстро осмелела. Потом разомкнула объятия и посмотрела на него влажными глазами.

– Мне конец, – прошептала она.

– Вэлери, я при всем желании не в силах понять, что ты несешь.

Она прильнула к нему, наградила еще более пылким поцелуем и снова оттолкнула.

– Все пропало!

– Перестань! Что ты такое говоришь?

– Единственное, что еще могло бы меня спасти, – это если бы поцелуй оказался...

– Каким? – спросил Эндрю. Сердце у него колотилось как после бега наперегонки.

– Эндрю Стилмен, я страшно тебя хочу.

– Очень жаль, но только не в первый же вечер, это дело принципа! – заявил он и улыбнулся.

Он продолжал блаженно улыбаться, когда Вэлери легонько похлопала его по плечу и ласково взяла за руки:

– И что теперь, Бен?

– Пройдем вместе один отрезок пути, Вэлери, потом другой, потом третий... при условии, что ты перестанешь называть меня Беном.

¹ “Подцепи меня” (англ.).

4

Чтобы ступить на этот путь, Вэлери оставалось только расстаться со своим бойфрендом. Но с двумя годами жизни так просто, за один вечер, не распрощаешься. Эндрю терпеливо ждал, зная, что ее нельзя торопить, иначе она снова исчезнет.

Прошло еще три недели, и он получил среди ночи сообщение, почти идентичное тому, что перевернуло его жизнь в тот воскресный вечер. Такси доставило его к кафе “Pick Me Up”, возле которого его опять ждала Вэлери, на сей раз с черными потеками под глазами и с чемоданом у ног.

У себя дома Эндрю отнес чемодан в спальню и дал Вэлери время оглядеться и устроиться. Вернувшись в темную спальню, он увидел, что она уже забралась под одеяло. Присев на край кровати, он поцеловал ее, поднялся и пошел к двери, понимая, что ей надо побыть одной и погоревать об отношениях, в которых она только что поставила точку. Пожелав ей доброй ночи, он спросил, любит ли она по-прежнему горячий шоколад. Вэлери кивнула, и Эндрю удалился.

Той ночью, лежа на диване в гостиной без сна, он слышал ее плач и умирал от желания ее утешить, но не позволял себе идти к ней: справиться со своей печалью она могла только сама.

Утром Вэлери ждал на столике в гостиной поднос с чашкой, в которую был насыпан растворимый шоколад, и записка:

*Сегодня я приглашаю тебя на ужин.
Это у нас впервые.
В прихожей я оставил тебе запасной ключ.
Целую.*

Эндрю.

Вэлери пообещала Эндрю остаться у него, но только на то время, пока ее бывший не съедет с ее квартиры. Она бы поселилась у Колетт, своей подруги, но та переехала в Новый Орлеан. Прошло десять дней, и, к великому огорчению Эндрю, все больше наслаждавшегося ее присутствием, она собрала чемодан и вернулась к себе в Ист-Виллидж. Видя, как загрустил Эндрю, она напомнила ему, что их будут разделять каких-то пятнадцать кварталов.

Наступило лето. По выходным, когда жара делалась нестерпимой, они доезжали на метро до Кони-Айленда и часами валялись на пляже.

В сентябре Эндрю на десять дней уехал за границу, отказавшись сообщить Вэлери, куда направляется. “Профессиональная тайна”, – отмахнулся он и поклялся, что у нее нет ни малейших оснований в чем-то его подозревать.

В октябре, снова уезжая в командировку, он, чтобы она не сердилась, пообещал, что при первой же возможности они вместе отправятся в отпуск. Но Вэлери не понравились эти дежурные утешения, и она послала его подальше вместе с отпуском.

Под конец осени Эндрю был наконец вознагражден за работу, полностью захватившую его в последнее время. Он провел в поисках несколько недель, дважды ездил в Китай, чтобы собрать доказательства, сопоставить разные свидетельства и определить их достоверность, и досконально разобрался, как организована торговля детьми в провинции Хунань. Подошло к концу одно из тех расследований, которые позволяют пролить свет на продажность и растленность некоторых представителей человеческой породы. Его статья в воскресном, самом читаемом выпуске газеты наделала много шума.

За последние десять лет американские семьи усыновили шестьдесят пять тысяч китайских младенцев. Скандал разразился в связи с несколькими сотнями детей, которые вопреки

официальным документам вовсе не были брошены родителями. Их силой отнимали у родных и помещали в приют, получавший за каждого усыновленного пять тысяч долларов. Золотой дождь проливался на мафию – бесчестных полицейских и чиновников, организовавших этот грязный бизнес. Китайские власти изо всех сил старались замять скандал, но зло уже было причинено. Статья Эндрю поставила множество родителей-американцев перед тяжелой нравственной дилеммой, чреватой драматическими последствиями.

Об Эндрю говорила вся редакция, его цитировали в вечерних теленовостях, привыкших заимствовать у “Нью-Йорк таймс” громкие сюжеты.

Эндрю превозносили коллеги, он получил электронное послание от своего главного редактора и несчетные письма от читателей, потрясенных результатами его расследования. Некоторые из собратьев по перу мучились от зависти, а еще в газету пришло три анонимных письма с угрозами убить удачливого соперника – такое тоже иногда случается.

Рождество и Новый год Эндрю отмечал в одиночестве: Вэлери отправилась в Новый Орлеан к своей подруге Колетт.

Назавтра после ее отъезда на парковке на Эндрю напал какой-то тип с бейсбольной битой, и все закончилось бы плохо, если бы не счастливое совпадение: он ждал вызванную машину техпомощи, и ее появление заставило нападавшего ретироваться.

Саймон уехал встречать Новый год в Колорадо, в Бивер-Крик, в компании друзей-лыжников.

Эндрю не придавал ни малейшего значения ни Рождеству, ни новогодним праздникам; он терпеть не мог запрограммированные увеселения, когда приходится веселиться во что бы то ни стало. Оба вечера он провел, сидя за стойкой “Мэризи Фиш”, за блюдом устриц и несколькими бокалами сухого белого вина.

2012 год начинался с самых лучших предзнаменований. Правда, в первых числах января произошла небольшая неприятность: Эндрю зацепила на Чарльз-стрит машина, отъезжавшая от полицейского участка. Водитель – отставной полицейский, навещавший из ностальгических побуждений свое бывшее место службы, – был потрясен этим происшествием и испытал огромное облегчение, когда Эндрю поднялся с мостовой живой и невредимый. Он настоял на том, чтобы пострадавший принял его приглашение поужинать в заведении по своему выбору. Эндрю тем вечером все равно нечем было заняться, хороший бифштекс привлекал его больше, чем протокол для страховой компании, к тому же журналист никогда не откажется от общества бывшего нью-йоркского полицейского, которого потянуло на разговор. Тот рассказал ему о своей жизни и о самых примечательных случаях в долгой карьере.

Вэлери сохранила свою квартиру, прозванную Эндрю “запасным аэродромом”, однако с февраля она предпочитала ночевать у него, и они стали всерьез подумывать о более просторном жилище, чтобы поселиться в нем вдвоем. Препятствие было одно: Эндрю отказывался расставаться с районом Уэст-Виллидж, поклявшись прожить там до конца своих дней. Трехкомнатные квартиры в нем были редкостью. Вэлери обзывала его закоренелым старым холостяком, однако было понятно, что его не разлучить с этими странными улочками, о которых он знал буквально все. Ему нравилось, гуляя с Вэлери, делиться своими познаниями: вот на этом перекрестке Гринвич-авеню раньше находился ресторан, навесивший Эдварду Хопперу сюжет его знаменитой картины “Полуночники”, вот здесь жил Джон Леннон, пока не переехал в Дакота-билдинг... Уэст-Виллидж видел все культурные революции, здесь были самые знаменитые кафе, кабаре, ночные клубы страны. Когда Вэлери возражала, что большинство современных художников откочевало в Уильямсбург, Эндрю, серьезно глядя на нее, провозглашал:

– Дилан, Хендрикс, Стрейзанд, “Питер, Пол и Мэри”, Саймон и Гарфункель, Джоан Баэз – все они начинали в Виллидж, в барах моего квартала. Разве этого мало, чтобы хотеть здесь жить?

И Вэлери, совершенно не желавшая с ним спорить, послушно отвечала:

– Конечно нет!

Когда она расхваливала ему комфорт небоскребов, возвышавшихся в считанных кварталах отсюда, Эндрю отвечал, что жизнь на стальном насесте его не прельщает. Ему подавай уличный шум, сирены, гудки таксистов на перекрестках, скрип видавшего виды паркета, бульканье и урчание в батареях отопления, скрежет входной двери... Все эти звуки напоминали ему, что он жив и его окружают люди.

Как-то раз, вернувшись с работы домой, он выпотрошил шкафы и перевез большую часть своих пожитков на местный мебельный склад. Распахнув перед Вэлери гардероб, он объявил, что необходимость в переезде отпала, так как теперь у нее полно места.

В марте Эндрю получил от главного редактора задание провести новое журналистское расследование в продолжение предыдущего, которым он прославился. Он тут же впрягся в работу, радуясь шансу побывать в Аргентине.

В первых числах мая, возвращаясь из Буэнос-Айреса с приятной мыслью, что вскоре снова туда отправится, Эндрю не нашел другого способа оправдаться перед Вэлери, кроме как предложить ей за ужином выйти за него замуж.

Сначала она подозрительно его разглядывала, потом расхохоталась. А он растерянно смотрел на нее, осознавая, что переполнен счастьем от своих собственных слов, сказанных экспромтом, без размышлений.

– Ты ведь несерьезно? – спросила Вэлери, утирая слезы.

– Почему несерьезно?

– Потому что мы с тобой вместе всего ничего, каких-то несколько месяцев. Маловато для такого решения.

– Вместе мы уже целый год, а знакомы с детства. Тебе не кажется, что у нас было достаточно времени, чтобы определиться?

– То есть перерыв в каких-то двадцать лет – не в счет...

– Для меня тот факт, что мы встретились в юности, потеряли друг друга из виду, а потом случайно встретились на нью-йоркской улице, – это знак.

– Рациональный журналист, последователь Декарта, уверовал в знаки судьбы?

– Когда я вижу тебя перед собой – да!

Вэлери долго смотрела ему в глаза и молчала, потом улыбнулась:

– Скажи еще раз.

Эндрю тоже уставился на Вэлери. Она была уже не юной бунтаркой, как двадцать лет назад. Та Вэлери, что сидела сейчас напротив него, сменила латанные джинсы на модную юбку, кеды с замазанными лаком для ногтей носками на лаковые туфельки, всепогодную брезентовую робу, скрывавшую ее формы, на кашемировый пуловер, выразительно облегающий грудь. Вместо прежней “боевой раскраски” – совсем немножко теней на веках и туши на ресницах. Вэлери Рэмси была гораздо привлекательнее всех женщин, которых он встречал, и ни с одной из них он не чувствовал такой близости, как с ней.

У Эндрю вспотели ладони – а такого с ним отродясь не бывало. Отодвинув свое кресло, он обошел столик и опустился на одно колено.

– Вэлери Рэмси, при мне нет кольца, потому что мое намерение совершенно спонтанно, зато оно искренне. Если ты согласна стать моей женой, мы в этот выходной вместе выберем тебе кольцо. Я намерен стать лучшим из мужей, чтобы ты проносила свое кольцо до конца жизни. Правильнее сказать, пока жив я – вдруг после моей смерти ты опять выскочишь замуж?

– Никак не можешь без черного юмора – даже когда делаешь предложение!

– Уверяю тебя, в такой позе, под столькими взглядами, я бы не стал дурачиться.

– Эндрю, – сказала Вэлери шепотом, наклонившись к его уху, – я намерена ответить на твоё предложение согласием, так как мне этого хочется, да и нельзя выставить тебя болваном перед всем рестораном. Но, когда ты сядешь на место, я сообщу тебе об одном условии, которое считаю неременным для нашего союза. Таким образом, “да”, которое я сейчас громко произнесу, на следующие несколько минут останется условным. Ну что, мы согласны?

– Мы согласны, – так же шепотом ответил Эндрю.

Вэлери прикоснулась губами к его губам и отчетливо произнесла своё “да”. Посетители ресторана, затаившие дыхание, разразились аплодисментами.

Хозяин заведения вышел из-за стойки, чтобы поздравить постоянного клиента. Крепко стиснув Эндрю в объятиях, он сказал ему на ухо с акцентом нью-йоркского итальянца, таким же, как в фильмах Скорсезе:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь!

После этого он поклонился Вэлери и поцеловал её руку.

– Теперь вы – мадам, и я имею на это право! Я принесу вам шампанского за счёт заведения в честь этого события. И не вздумайте возражать!

Вернувшись за стойку, Маурицио жестом приказал единственному официанту принести шампанское.

– Я слушаю, – прошептал Эндрю под хлопок пробки.

Официант налил два бокала. Подошел Маурицио с третьим бокалом, чтобы чокнуться с женихом и невестой.

– Подожди, Маурицио. Еще секундочку, – попросил Эндрю, беря его за рукав.

– Ты хочешь, чтобы я назвала своё условие при нём? – удивленно спросила Вэлери.

– Он мой старый друг, а от старых друзей у меня нет секретов, – ответил Эндрю насмешливо.

– Ну что ж... Итак, мистер Стилмен, я выйду за вас замуж при условии, что вы поклянетесь мне своей честью, что никогда мне не соврете, не обманете меня, не станете сознательно заставлять меня страдать. Если вы меня разлюбите, то я хочу узнать об этом первой. Хватит с меня романов, кончающихся горячими слезами в ночи. Если вы дадите мне такое обещание, то я соглашусь стать вашей женой.

– Клянусь, Вэлери Рэмси-Стилмен!

– Клянешься жизнью?

– Жизнью клянусь!

– Обманешь – убью!

Маурицио, глядя на Эндрю, перекрестился.

– Теперь можно чокаться? Меня все-таки клиенты ждут.

Он принес им две порции своего фирменного тирамису и отказался подать счёт.

На улице, сжимая руку Эндрю, Вэлери спросила:

– Мы и вправду поженимся?

– Обязательно! Должен сознаться, я и не знал, что, делая тебе предложение, испытаю такое счастье.

– Я тоже счастлива, – ответила Вэлери. – С ума сойти! Я должна позвонить Колетт и все ей рассказать. Мы вместе учились, делили все беды и радости, особенно беды, она будет моей свидетельницей на свадьбе. А ты кого выберешь?

– Наверное, Саймона.

– Не хочешь ему позвонить?

– Хочу, позвоню прямо завтра.

– Прямо сегодня! Я – Колетт, ты – Саймону.

Эндрю не хотелось беспокоить Саймона в такой поздний час, чтобы сообщить известие, с которым вполне можно было бы подождать до завтра, но он увидел в глазах Вэлери детскую мольбу, и это выражение, смесь радости и страха, его сильно растрогало.

– Разбудим наших лучших друзей по одному или обоим сразу?

– Ты прав, нужно привыкать все делать вместе, – весело ответила Вэлери.

Колетт пообещала Вэлери примчаться в Нью-Йорк как можно быстрее. Она поздравила Эндрю и сказала, что он еще не догадывается, какое счастье ему привалило: ее лучшая подруга – необыкновенная женщина!

Саймон сначала решил, что его разыгрывают, и потребовал передать трубку Вэлери. Эндрю не понравилось, что Вэлери приняла его поздравление первой, но он и виду не подал, что сердится. Впрочем, Саймон сумел-таки его разозлить, когда напросился, не посоветовавшись с Эндрю, пообедать с ними завтра.

– Просто я бы предпочел сообщить ему все сам, – пояснил Эндрю, оправдываясь за свой недовольный вид.

– Так оно и было!

– А вот и нет, мне он не поверил. Тоже мне, лучший друг!

– Но ведь мы оба согласны, что я тут ни при чем, – сказала Вэлери, прильнув к Эндрю и осыпая его поцелуями.

– Ты ни при чем, – подтвердил Эндрю. – Смотри, не прокуси мне губу.

– Постараюсь.

Всю ночь они посвятили любви. В перерывах, переводя дух, они включали телевизор, стоявший на комод в ногах кровати, и смотрели старые черно-белые фильмы. Когда начало светать, они решили прогуляться, дошли до самой Ист-Ривер и уселись на скамейку, чтобы полюбоваться восходом солнца.

– Запомни эту ночь навсегда! – шепотом потребовал Эндрю.

5

Первые десять дней июня Эндрю провел в Буэнос-Айресе. Вернувшись из этой, второй по счету, поездки в Аргентину, он застал Вэлери еще более сияющей, чем обычно. Вчетвером – жених с невестой и оба свидетеля – они провели незабываемый вечер в отличном ресторане. Колетт сочла, что жених Вэлери неотразим.

В ожидании бракосочетания, назначенного на конец месяца, Эндрю посвящал дни и даже вечера работе над статьей. Он не исключал, что исполнится его мечта: ему присудят Пулитцеровскую премию.

В его квартире сломался кондиционер, и пара перебралась в двухкомнатную квартиру Вэлери в Ист-Виллидж. Он часто засиживался в редакции до полуночи, чтобы не работать дома, стуча по клавиатуре и мешая Вэлери спать.

В городе установилась невыносимая жара, на Манхэттен ежедневно обрушивались грозы, которые по телевизору сравнивали с Апокалипсисом. Слыша слово “Апокалипсис”, Эндрю не догадывался, что и его собственная жизнь скоро рухнет в тартарары.

Он дал Вэлери торжественное обещание: никаких заведений со стриптизом, никаких ночных клубов, где толкнутся одинокие девушки, – только вечер с другом и обсуждение мировых проблем.

Саймон решил пригласить Эндрю на поминки по его холостяцкой жизни в один из новых модных ресторанов, которые в Нью-Йорке открываются и закрываются чаще, чем меняются времена года.

– Ты в этом уверен? – спросил его Саймон, изучая меню.

– Пока нет, не знаю, что выбрать: стейк “Шатобриан” или филе-миньон, – ответил Эндрю с отстраненным видом.

– Я о твоей жизни.

– Я понял.

– И что?

– Что бы ты хотел услышать, Саймон?

– Всякий раз, когда я затрагиваю эту тему, ты выбрасываешь мяч с поля. Как-никак я твой лучший друг! Мне твоя жизнь не безразлична.

– Не ври, ты просто наблюдаешь за мной, как за лабораторной мышью. Хочешь разобраться, что происходит в таких случаях в голове, – вдруг и с тобой такое случится...

– Это я полностью исключаю.

– Несколько месяцев назад я бы сказал то же самое.

– Что же такое стряслось, что ты решился на этот шаг? – спросил Саймон, наклоняясь к Эндрю. – Ладно, ты – моя лабораторная мышь. Ответь, ты чувствуешь в себе перемену с тех пор, как принял это решение?

– Мне тридцать восемь лет, тебе тоже, и перед нами обоими только две дороги: либо та, что выбираю я, – либо по-прежнему резвиться с прелестными особами, зависающими в модных местах...

– Неплохая программа! – перебил его Саймон.

– ...и превращаться в старых холостяков, заигрывающих с женщинами на тридцать лет моложе их и воображающих, будто возвращают себе молодость, хотя она стремглав от них убегает.

– Я не прошу тебя читать мне лекцию о жизни. Лучше скажи: ты так сильно любишь Вэлери, что хочешь провести с ней всю жизнь?

– Не будь ты моим свидетелем, я бы, наверное, ответил, что это тебя не касается.

– А так как я твой свидетель...

– ...то слушай: на всю жизнь прогнозов строить не стану, поскольку это зависит не только от меня. Во всяком случае, свою жизнь без нее я уже не представляю. Я счастлив, скучаю по ней, когда ее нет рядом, никогда не скучаю в ее обществе, люблю ее смех – она часто смеется... По-моему, это в женщине самое соблазнительное. Что до нашей интимной жизни...

– Все! – прервал его Саймон. – Убедил! Остальное меня совершенно не касается.

– Ты свидетель или нет?

– От меня не требуется быть свидетелем того, что происходит в темноте.

– Между прочим, мы не гасим свет.

– Брось, Эндрю, уймись! Нет, что ли, других тем?

– Все, выбрал: филе-миньон. Знаешь, что бы мне доставило больше всего удовольствия?

– Если бы я написал тебе яркий текст для свадебной церемонии.

– Нет, не могу требовать от тебя невозможного. Почему бы нам с тобой не закончить этот вечер в моем новом любимом баре?

– В кубинском, в Трайбеке?

– В аргентинском.

– У меня были несколько иные мысли, но это твой вечер: ты – заказчик, я – исполнитель.

В “Новеченто” было многолюдно. Саймон и Эндрю протолкались к барной стойке. Эндрю заказал ликер “Фернет” с колой и дал попробовать Саймону. Тот скривился и попросил бокал красного вина.

– Как ты это пьешь? Ужасная горечь!

– Поколесил бы ты с мое по барам Буэнос-Айреса – тоже привык бы. Поверь, к этому даже можно пристраститься.

– Что-то не верится.

Высмотрев в зале прелестное создание с бесконечными ногами, Саймон сбежал от Эндрю, не говоря ни слова. Оставшись один у стойки, Эндрю проводил удаляющегося друга улыбкой. Из двух дорог, о которых они говорили, Саймон явно отдавал предпочтение второй.

На освободившийся табурет уселась молодая женщина. Эндрю, заказывая второй “Фернет”, вежливо ей улыбнулся.

Они обменялись безобидными репликами. Она выразила удивление, что американец отдает предпочтение этому напитку, – это редкость. “Я вообще редкий экземпляр”, – последовал ответ. Она улыбнулась и спросила, чем он отличается от других мужчин. Эндрю смутил как сам вопрос, так и откровенный взгляд собеседницы.

– Вы кто? – продолжала допрос она.

– Журналист, – пробормотал Эндрю.

– Интересная профессия!

– Когда как...

– Пишете о финансах?

– Вот и нет. Почему вы так решили?

– Здесь недалеко Уолл-стрит.

– Если бы я сел выпить рюмочку в Митпэкинг-дистрикт², вы бы приняли меня за мясника?

Женщина расхохоталась, и Эндрю понравился ее смех.

– Тогда политика?

– Тоже нет.

² Митпэкинг-дистрикт – Мясницкий квартал (*англ.*); район в Нью-Йорке, где в прежние времена находились мясоперерабатывающие предприятия. Ныне это богемный район с множеством ресторанов, клубов и галерей.

- Хорошо, я люблю загадки. По вашему загару видно, что вы много путешествуете.
- Сейчас лето, вы тоже успели загореть. Хотя признаюсь, ремесло заставляет разъезжать.
- Я смуглая от рождения, происхождение, знаете ли... Вы крупный репортер?
- Можно сказать и так.
- Чему посвящено ваше теперешнее журналистское расследование?
- Это разговор не для бара.
- А если не в баре? – спросила она еле слышно.
- Тогда только в самой редакции, – отрезал он, чувствуя прилив жара. Взяв со стойки

салфетку, он вытер шею.

Его так и подмывало засыпать ее вопросами, но тогда разговор принял бы менее невинный характер, чем просто “угадайка”.

- А вы? – неуверенно спросил он, растерянно ища глазами Саймона.

Молодая незнакомка посмотрела на свои часики и встала.

– Очень жаль, – сказала она, – я не сообразила, который час. Мне уже пора. Приятно было познакомиться, мистер?..

- Эндрю Стилмен, – представился он, приподнявшись.
- Может, еще увидимся.

И она помахала ему рукой. Он не спускал с нее глаз в надежде, что она оглянется хотя бы в дверях, но его отвлек Саймон, положивший руку ему на плечо. От неожиданности Эндрю вздрогнул.

- На кого это ты так засмотрелся?
- Давай уйдем, – предложил Эндрю слабым голосом.
- Уже?
- Хочется на свежий воздух.

Саймон пожал плечами и вывел друга на улицу.

– Что с тобой? Ты бледный как полотно. Говорил я тебе, не пей всякую дрянь! – Саймон всерьез перепугался.

- Просто хочу домой.
- Сначала скажи, в чем дело. Ты бы себя сейчас видел! Я уважаю твои профессиональные секреты, но сейчас ты, кажется, не на работе.
- Ты все равно не поймешь.
- Разве я хоть раз тебя не понял за последние десять лет?
- Эндрю, не отвечая, зашагал по Уэст-Бродвей.
- Кажется, я только что влюбился с первого взгляда, – шепотом признался он догнавшему его Саймону.

Саймон прыснул, Эндрю ускорил шаг.

- Ты серьезно? – спросил Саймон, снова его догнав.
- Серьезнее не бывает.
- Влюбился непонятно в кого, пока я отлучился в туалет?
- Ты был не в туалете.
- Умудрился втюриться за пять минут?
- Ты оставил меня в баре одного больше чем на четверть часа.
- Выходит, не такого уж одного. Может, объяснишь?
- Тут нечего объяснять, я даже не знаю ее имени...
- И?..

– По-моему, я только что повстречал женщину моей жизни. Я никогда такого не испытывал, Саймон.

Саймон поймал его за руку и заставил остановиться.

– Не фантазируй! Ты просто выпил лишнего, приближается твоя свадьба, вместе это – коктейль убойной силы.

– Я сейчас не склонен шутить, Саймон.

– Я тоже. В тебе говорит страх. Ты способен выдумать невесть что, лишь бы дать задний ход.

– Страх здесь ни при чем, Саймон. Во всяком случае, перед тем как войти в этот бар, я не испытывал никакого страха.

– Что ты сделал, когда с тобой заговорила эта особа?

– Я поддерживал с ней разговор без всякого интереса, но стоило ей уйти, как меня развезло.

– Моя лабораторная мышка знакомится с побочным действием брачного зелья, что довольно оригинально, учитывая, что она еще его даже не вкусила...

– Вот именно!

– Завтра утром ты даже не вспомнишь лица этой женщины. Вот как мы поступим: забудем этот вечер в “Новеченто”, и все придет в норму.

– Хотел бы я, чтобы все было так просто!

– Хочешь, вернемся сюда завтра вечером? Если повезет, твоя незнакомка снова будет здесь, ты снова ее увидишь, и тебе полегчает.

– Я не могу поступить так с Вэлери. Через две недели мы женимся!

Даже при некоторой развязности, которую порой можно было спутать с высокомерием, Эндрю был человек честный и имел убеждения. Наверное, он просто перебрал и не может рассуждать здраво. Разумеется, Саймон прав: он испугался, вот и понес околесицу. Вэлери – исключительная женщина, неожиданно выпавший на его долю шанс. Ее лучшая подруга Колетт не уставала твердить ему об этом.

Он взял с Саймона слово, что тот никогда никому не расскажет об этом происшествии, и поблагодарил друга за здравомыслие и настойчивость.

Они вместе сели в такси. Саймон высадил Эндрю в Уэст-Виллидж, пообещав позвонить ему днем и расспросить, что и как.

Наутро, проснувшись, Эндрю испытал совсем не то, что предрекал Саймон. Облик незнакомки из “Новеченто” не исчез из его памяти, как и аромат ее духов. Стоило ему закрыть глаза, как он видел ее длинные пальцы, касающиеся бокала с вином, слышал ее голос, чувствовал на себе ее взгляд. Готовя кофе, он ощущал пустоту, вернее, одиночество вместе с неодолимой тягой найти ту единственную, которая может его заполнить.

Раздался телефонный звонок: Вэлери вернула его к невыносимой реальности. Оправдал ли вчерашний вечер его ожидания? Он рассказал, что поужинал с Саймоном в хорошем ресторане, потом они немного выпили в баре в Трайбеке. Ничего из ряда вон выходящего. Кладя трубку, Эндрю чувствовал себя виноватым: впервые он солгал женщине, на которой собрался жениться.

Точнее, это был уже второй раз: приехав из Буэнос-Айреса, он заверил Вэлери, что уже был на примерке своего свадебного костюма. Чтобы загладить хотя бы ту первую вину, он тут же позвонил портному и обещал прийти на примерку в обеденное время.

Так вот она, причина случившейся с ним незадачи! У всего в жизни есть смысл. А иначе как бы он вспомнил о том, что пора разобраться с длиной брюк и укоротить рукава свадебного костюма? Иначе он бы опозорился: предстал бы перед будущей супругой в наряде словно с плеча старшего брата.

– У тебя даже старшего брата нет, осел! – прикрикнул Эндрю на самого себя. – Нет, даже среди ослов такого олуха не найти!

В полдень он покинул редакцию. Пока портной чиркал белым мелом на рукавах, закалывал что-то на спине, утверждал, что вот здесь лучше бы забрать, а вот тут отпустить, иначе сидеть будет плохо, в сотый раз жаловался, что заказчик тянул до последней минуты, Эндрю боролся с сильным душевным недомоганием. После сеанса примерки он отдал портному его изделие и поспешно оделся. Все будет готово к пятнице, услышал он, надо только не забыть зайти за готовым костюмом.

Включив мобильный телефон, он обнаружил несколько сообщений от Вэлери, которая не находила себе места от волнения: они договорились пообедать вместе на 42-й улице, и она ждала его уже целый час!

Эндрю позвонил ей, чтобы попросить прощения, и придумал неожиданное совещание в конференц-зале; секретарша утверждала, что он отлучился? Естественно, у них в газете никто ни на кого не обращает внимания. Вторая ложь за один день!

Вечером Эндрю явился к Вэлери с букетом цветов. Сделав ей предложение, он часто заказывал доставку ее любимых лиловых роз. Но Вэлери не оказалось дома. На столике в гостиной лежала торопливая записка:

“Умчалась по срочному вызову. Вернусь поздно. Не жди меня. Люблю”.

Он спустился поужинать в “Мэризи Фиш”. За едой он то и дело смотрел на часы, потребовал счет, даже не доев главное блюдо, выскочил на улицу и прыгнул в такси.

Выйдя в Трайбеке, он принялся расхаживать взад-вперед перед “Новеченто”, борясь с желанием зайти и опрокинуть стаканчик. Портье, по совместительству охранник, достал сигарету и попросил у Эндрю огонька. Эндрю давным-давно бросил курить.

– Хотите к нам? Сегодня у нас тишь да гладь.

Эндрю принял это приглашение за еще один знак.

Давешней незнакомки у стойки не оказалось. Эндрю оглядел зал. Портье не обманул: народу было раз-два и обчелся, и он сразу понял, что та женщина не пришла. Чувствуя себя дураком, он залпом опрокинул свой “Фернет” с колой и потребовал счет.

– Сегодня без повтора? – удивился бармен.

– Вы меня помните?

– А как же, целых пять порций “Фернета” с колой за вечер – кто же такое забудет?

Немного поколебавшись, Эндрю попросил налить ему еще и, пока бармен готовил коктейль, задал ему странный для мужчины, собравшегося жениться, вопрос:

– Помните женщину, которая сидела вчера рядом со мной? Она постоянная клиентка?

Бармен сделал вид, что копается в памяти.

– Хорошеньких женщин в этом баре пруд пруди. Нет, как-то не обратил внимания... Это важно?

– Да. То есть нет... – Эндрю смутился. – Мне пора, скажите, сколько я вам должен.

Бармен отвернулся, чтобы выбить счет.

– Если она вдруг снова появится... – Эндрю положил на стойку три двадцатидолларовые купюры. – Если она спросит, кто этот человек, который пил “Фернет”, то вот моя визитная карточка, вы уж, пожалуйста, передайте ей.

– Вы – журналист из “Нью-Йорк таймс”?

– Раз тут так написано, то да.

– Если у вас вдруг возникнет желание черкнуть пару добрых слов о нашем заведении, вы уж, пожалуйста, не забудьте.

– Непременно! – пообещал Эндрю. – Вы тоже не забудьте о моей просьбе.

Бармен подмигнул ему и убрал карточку в выдвижной ящик кассы.

Выйдя из “Новеченто”, Эндрю посмотрел на часы. Если Вэлери задержится, он успеет вернуться домой раньше нее, если нет, то придется наврать, что он заработался в редакции. Очередная ложь...

С того вечера Эндрю потерял покой. Дошло даже до перепалки с коллегой по работе, сунувшим нос в его дела и застигнутым на месте преступления. Фредди Олсон вообще был любителем покопаться в чужом грязном белье, завистником и мерзким типом, но Эндрю не отличался вспыльчивостью. На две последние недели июня пришлось слишком много дел, и это легко объясняло его раздражительность. Предстояло закончить статью, из-за которой он дважды наведывался в Аргентину и которая, как он надеялся, вызовет не меньший интерес, чем его прежний, китайский материал. Дата сдачи была назначена на понедельник, но Оливия Стерн, главный редактор, славилась своей требовательностью к соблюдению сроков, особенно когда речь шла о расследованиях, занимавших во вторничных номерах целую полосу. Она хотела, чтобы уже в субботу у нее на столе лежал материал, чтобы днем она успела его прочитать и к вечеру послать автору письмо со своими замечаниями. Забавная предстояла Эндрю суббота: он должен был произнести супружеские клятвы перед Богом, а после этого в воскресенье вымаливать у Вэлери прощение за то, что придется отложить свадебное путешествие из-за этой чертовой работы и досье, которому его начальница придавала такое большое значение.

Но даже все это не могло заставить Эндрю забыть незнакомку из “Новеченто”. Желание снова ее увидеть превратилось у него в навязчивую идею, причину которой он не мог постигнуть.

В пятницу, отправившись за своим костюмом, Эндрю почувствовал, что вконец запутался. До слуха портного донеслись горестные вздохи клиента, застывшего перед зеркалом.

– Вам не нравится? – спросил он огорченно.

– Что вы, мистер Занелли, безупречная работа!

Портной еще раз проверил, как сидит на Эндрю костюм, и подтянул правый рукав пиджака.

– Вас все-таки что-то беспокоит, не так ли? – Он воткнул в рукав булавку.

– Не буду загружать вас своими невзгодами.

– Руки у вас определенно разной длины, на примерках я этого не замечал. Дайте мне несколько минут, и мы это поправим.

– Успокойтесь, ведь такие костюмы надевают один раз в жизни, не так ли?

– Искренне вам этого желаю, но на фотографии, сделанные в таких костюмах, потом смотрят всю жизнь. Когда внуки скажут вам, что у вас что-то не так с пиджаком, я не хочу, чтобы вы свалили вину на портного. Так что позвольте мне сделать мою работу.

– Дело в том, что сегодня вечером мне нужно дописать очень важную статью, мистер Занелли.

– А мне надо за пятнадцать минут дошить очень важный костюм. Вы что-то говорили о невзгодах?

– Говорил... – со вздохом подтвердил Эндрю.

– Какого рода невзгоды, простите за назойливость?

– Полагаю, люди вашей профессии привыкли соблюдать тайну, мистер Занелли?

– Конечно, только будьте добры, не коверкайте мою фамилию: с вашего позволения, я не Занелли, а Занетти. Снимите-ка пиджак и сядьте в кресло. Пока я буду работать, мы можем беседовать.

Пока мистер Занетти подгонял Эндрю рукав пиджака, тот поведал ему, как год назад, выйдя из бара, он снова завязал отношения с любовью своих юных лет и как в другом баре повстречал накануне своей свадьбы другую женщину, ставшую его наваждением с той секунды, когда их взгляды встретились...

– Наверное, вам лучше на некоторое время перестать посещать ночные заведения, это упростит вам жизнь. Признаться, ваша история необычна, – задумчиво произнес портной, отойдя к ящику и ища в нем нитки.

- Саймон, мой лучший друг, совсем другого мнения.
 - Странные у вашего Саймона представления о жизни! Можно задать вам один вопрос?
 - Любые вопросы, какие угодно, лишь бы это помогло мне во всем разобраться!
 - Если бы можно было все начать сначала, не вступать в отношения с женщиной, на которой вы скоро женитесь, или не встречать ту, которая вас так растревожила, что вы выбрали бы?
 - Одна – мое второе “я”, другая... Я даже не знаю, как ее зовут.
 - Сами видите, не так уж все сложно.
 - Если смотреть под этим углом, то...
 - Учитывая нашу разницу в возрасте, я позволю себе поговорить с вами по-отечески, мистер Стилмен, хотя, признаться, я бездетен и потому малоопытен...
 - Это не важно, говорите!
 - Хорошо, раз вы просите. Жизнь – это не современное устройство, на котором достаточно нажать кнопку, чтобы еще раз проиграть выбранный кусок. Невозможно вернуться назад, и некоторые наши поступки влекут за собой непоправимые последствия. Например, ослепление чудесной незнакомкой, какой бы волшебницей она ни была, накануне собственной свадьбы. Будете упорствовать – боюсь, вам придется об этом горько пожалеть, не говоря уж о том горе, которое вы причините близким людям. Вы возразите, что сердцу не прикажешь, но у вас есть еще голова, так воспользуйтесь ею! То, что женщина вас растревожила, еще не заслуживает осуждения, но при том условии, что это не пойдет дальше простой тревоги.
 - У вас никогда не бывало ощущения, что вы повстречали родную душу, мистер Занетти?
 - Родная душа? Очаровательно! Когда мне было двадцать лет, мне казалось, что я встречаю такую каждую субботу на танцах. Я был в молодости отличным танцором и тем еще ветерником... Часто потом удивлялся, как можно воображать, что повстречал родную душу, еще ничего не построив на пару с ней.
 - Вы женаты, мистер Занетти?
 - Это случалось со мной четырежды, так что будьте спокойны, я знаю, о чем толкую.
- На прощание Занетти заверил Эндрю, что теперь, когда рукава имеют правильную длину, ничто не мешает его счастью. Эндрю Стилмен вышел от своего портного с твердым намерением не подвести его завтра на своей свадьбе.

6

Мать Вэлери подошла перед началом церемонии к Эндрю и, дружески похлопав по плечу, сказала ему на ухо:

– Чертов Бен! Вот ты и доказал, что упорство – верный способ добиться цели. Помню, как в шестнадцать лет ты ухаживал за моей дочерью... Я тогда считала, что у тебя нет ни одного шанса из тысячи. И вот мы в церкви!

Теперь Эндрю стало понятнее, почему его будущая жена при первой же возможности сбежала из родительского дома.

Такой красавицей он Вэлери еще не видел. На ней было скромное, но изящное белое платье, волосы она убрала под белую шляпку, как у стюардесс “Пан Американ” в былые времена, хотя у тех шляпки были голубые. Отец довел ее до алтаря, там ее ждал Эндрю. Ее улыбка была лучшим свидетельством любви.

Священник прочитал удачную проповедь, Эндрю даже растрогался.

Они обменялись клятвами верности и кольцами, замерли в долгом поцелуе и вышли из церкви под аплодисменты родителей новобрачной, Колетт и Саймона. Эндрю посмотрел на небо и подумал, что и его родители любят себя ими из-за облаков.

Маленькая процессия шла по аллее парка при церкви Святого Луки в Полях. Розовые кусты гнулись под тяжестью бутонов, на клумбах слепили глаза разноцветные тюльпаны. Погода стояла чудесная, Вэлери сияла, Эндрю был счастлив.

Но счастье его оказалось недолгим. Выйдя на Гудзон-стрит, он увидел в окне остановившегося на светофоре внедорожника женское лицо. Это была та женщина, которую он, по словам его свидетеля на свадьбе, не должен был узнать при следующей встрече. Та, с которой он на свою беду обменялся несколькими невинными фразами в баре в Трайбеке.

У Эндрю сдавило горло, ему страшно захотелось ликера “Фернет” с колой, хотя был всего лишь полдень.

– Что с тобой? – испугалась Вэлери. – Ты вдруг так побледнел!

– Это от волнения, – ответил Эндрю.

Не в силах отвести взгляд от перекрестка, он следил за черной машиной, пока она не затерялась в потоке. Эндрю почувствовал, как сердце его сжалось: он почти не сомневался, что это была незнакомка из “Новеченто”, завожожившая его своей улыбкой.

– Ты делаешь мне больно, – простонала Вэлери. – Не стискивай мне так руку!

– Прости. – Он разжал пальцы.

– Мне так хочется, чтобы этот праздник остался позади. Скорее бы оказаться дома, наедине с тобой, – прошептала она.

– Ты – женщина, полная сюрпризов, Вэлери Рэмси.

– Стилмен, – поправила она его. – Какие еще сюрпризы?

– Не знаю, кто еще пожелал бы, чтобы его свадьба завершилась как можно скорее. Прося твоей руки, я полагал, что тебе захочется устроить пышную церемонию, представлял себя в окружении двух сотен гостей, которых придется приветствовать одного за другим, всех этих твоих кузин и кузенов, дядюшек и тетюшек, рвущихся поделиться своими воспоминаниями, до которых мне не будет никакого дела... Я так боялся этого дня! И вот мы на тротуаре вшестером.

– Надо было раньше поделиться со мной своими страхами, я бы тебя успокоила. Я всегда мечтала о свадьбе в узком кругу. У меня было желание стать твоей женой, а не изображать Золушку в бальном платье.

– Разве это нельзя совместить?

– Ты разочарован?

– Нет, нисколько, – заверил ее Эндрю, не отрывая взгляда от Гудзон-стрит.

Четвертая ложь.

Свадебный банкет устроили в лучшем китайском ресторане Нью-Йорка. Мистер Чу потчевал гостей изысканными кушаньями, авангардом азиатской кухни. Настроение царило приподнятое, Колетт и Саймон легко нашли общий язык с родителями Вэлери. Зато Эндрю был неразговорчив и рассеян, и жена не могла этого не заметить.

Поэтому она отклонила предложение отца продолжить торжество и приглашение потанцевать с ним. Ей хотелось одного: остаться с мужем наедине.

Тогда отец Вэлери крепко обнял новоиспеченного зятя.

– В ваших интересах, старина, сделать ее счастливой, – прошептал он Эндрю на ухо и, сделав паузу, шутливо добавил: – Иначе вам придется иметь дело со мной.

Ближе к полуночи такси подвезло молодоженов к дому, где находилась квартира Вэлери. Она вбежала вверх по лестнице и подождала Эндрю перед дверью.

– Ну, в чем дело? – спросил он, роясь в карманах в поисках ключа.

– Ты возьмешь меня на руки и внесешь в эту дверь, но так, чтобы я не ударилась головой, – ответила она с задорной улыбкой.

– Видишь, некоторые традиции для тебя все-таки важны, – сказал он и сделал так, как она попросила.

Она сбросила одежду посреди гостиной, расстегнула бюстгальтер, медленно спустила трусики. Обнаженная, подошла к Эндрю, сняла с него галстук, расстегнула рубашку, положила ладони ему на грудь.

Прильнув к нему всем телом, она заскользила ладонями вниз, к ремню брюк, расстегнула сначала пряжку на ремне, потом молнию на брюках.

Эндрю взял ее за руки, нежно погладил ей щеку, отнес на диван. Встал перед ней на колени, уронил голову ей на бедро – и зарыдал.

– Что с тобой происходит? – спросила Вэлери. – Сегодня ты выглядел таким отрешенным, и вот теперь...

– Мне очень жаль, – только и смог выдавить Эндрю, подняв на нее глаза.

– Если что-то не так, если у тебя нелады с деньгами или с работой, так и скажи, ты можешь всем со мной делиться.

Эндрю сделал глубокий вдох.

– Ты взяла с меня обещание не лгать тебе, никогда тебя не предавать, помнишь? Я дал тебе слово все выложить без обиняков, если что-то вдруг не заладится.

Глаза Вэлери наполнились слезами, она смотрела на Эндрю и молча ждала продолжения.

– Ты – мой лучший друг, моя спутница, женщина, ближе которой для меня нет...

– Мы только сегодня поженились, Эндрю, – всхлипнула Вэлери.

– Я всем сердцем молю тебя о прощении за то, что я совершил худшее из того, что способен сделать женщине мужчина.

– У тебя есть другая?

– Да, то есть нет, это просто тень... Но я такого никогда раньше не чувствовал.

– Ты дождался нашей свадьбы, чтобы сообразить, что влюблен в другую?

– Я люблю тебя, я знаю, что я тебя люблю, но это другая любовь. Я струсил и не признался в этом себе, не поговорил об этом с тобой. Мне не хватило храбрости отменить свадьбу. Твои родители приехали из Флориды, лучшая подруга – из Нового Орлеана... А тут еще это расследование, над которым я корпел все последние месяцы, превратилось в какое-то наваждение.

Я думал только об этом, вот и запутался... Мне хотелось прогнать все сомнения, поступить правильно...

– Замолчи... – прошептала Вэлери.

Она сидела опустив глаза. Взгляд Эндрю остановился на ее руках: она так их заломила, что побелели пальцы.

– Умоляю, больше ни слова! Уходи. Ступай к себе, куда хочешь, только уйди. Ступай вон!

Эндрю подался было к ней, но она отстранилась, попятилась в спальню и бесшумно закрыла за собой дверь.

Грустный вечер. Моросящий дождик. Намокший свадебный костюм, поднятый воротник. Эндрю шел по Манхэттену, пересекая его с востока на запад, торопясь вернуться в свое жилище.

У него уже раз десять возникало желание позвонить Саймону, сознаться в своей неправимой глупости. Но, хотя он всегда воображал, будто ему все нипочем, он все же боялся суда своего лучшего друга, поэтому не спешил ему звонить.

Столько же раз ему хотелось посоветоваться с отцом, отправиться к родителям и все им выложить. Услышать уверения матери, что все рано или поздно утрясется, что лучше признать, что брак – ошибка, чем обрекать себя на жизнь во лжи. Вэлери будет ненавидеть его год, ну, несколько лет, но в конце концов все равно его забудет. Такая потрясающая женщина недолго пробудет одна. Раз она – не женщина его жизни, то и он, вероятно, – не ее мужчина. Он еще молод, и, хотя некоторые моменты собственной жизни кажутся ему невыносимыми, со временем они превратятся просто в неприятные воспоминания. Эндрю очень хотелось ощутить прикосновение материнской ладони к его щеке, отцовскую руку на своем плече, услышать их голоса. Но родителей Эндрю больше не было на свете, и вечером после собственной свадьбы он чувствовал себя, как никогда, одиноким.

“Когда дерьмо попадает на вентилятор, все вокруг оказывается в дерьме”. Это была любимая поговорка Фредди Олсона, его коллеги по редакции. Именно ее Эндрю до одурения твердил про себя все воскресенье, правя статью. Рано утром он получил электронное послание от главного редактора, не пожалевшей похвал для проведенного им журналистского расследования. Оливия Стерн утверждала даже, что он принадлежит к числу лучших газетчиков, с которыми она познакомилась за долгое время, и считала своей удачей, что поручила это расследование именно ему. Тем не менее она вернула ему статью с целой кучей исправлений, подчеркиваний, сомнений в его источниках информации и подлинности приведенных им фактов. В его статье содержались серьезные обвинения, и юридическая служба, без сомнения, потребует обоснований для каждого слова.

Но разве он стал бы так рисковать, если бы считал для себя возможным привирать? Потратил бы половину зарплаты на подкуп, начиная от барменши в своем задрипанном отеле и кончая достоверными, пусть и немногословными информаторами? Рисковал бы нарваться на драку в пригороде Буэнос-Айреса, скрывался бы от субъектов, преследовавших его два дня подряд, плевал бы на то, что может угодить в тюрьму? Жертвовал бы ради своего расследования личной жизнью, если бы был любителем, а не профессионалом? Весь день он негодовал, приводя в порядок свои записи.

Оливия заканчивала свое письмо новыми поздравлениями и пожеланием пообедать с ним в понедельник. Раньше с ней такого не случалось. В другое время Эндрю принял бы такое приглашение за намек на ожидающее его повышение, а то и на премию, но сейчас, пребывая в крайнем унынии, он ни на что хорошее не надеялся.

Вечером в его дверь громко постучали. Эндрю решил, что это папаша Вэлери, явившийся, чтобы с ним расправиться, и открыл дверь чуть ли не с облегчением: хорошая трепка, возможно, избавила бы его от чувства вины.

Но это был Саймон, бесцеремонно его оттолкнувший и шагнувший в дверь.

– Лучше скажи, что ты этого не делал! – гаркнул он, подходя к окну.

– Она тебе звонила?

– Я – ей. Хотел, видишь ли, завезти вам свадебный подарок, но боялся вас побеспокоить, нарушить любовную идиллию. И просчитался.

– Что она тебе сказала?

– Сам как думаешь? Ты вдребезги разбил ей сердце, она ничего не понимает, кроме того, что ты вытер об нее ноги, что разлюбил. Зачем было жениться? Почему было не отказаться заранее? Ты поступил как последний мерзавец.

– Это потому, что все вы убеждали меня ничего не говорить, ничего не делать, ходить с закрытыми глазами! Все мне втолковывали, что мои чувства – всего лишь плод воображения.

– Кто это – “все”? Ты откровенничал с кем-то еще, кроме меня? У тебя что, любовь с первого взгляда к новому лучшему другу? Собрался и меня бросить?

– Не валяй дурака, Саймон. Я поговорил со своим портным.

– Час от часу не легче... Не мог подождать месяц-другой, хотя бы дать ей и себе шанс? Что такого важного произошло вчера вечером, что ты все одним махом погубил?

– Я не смог заняться с ней любовью, а Вэлери слишком проницательна, чтобы поверить в простую неудачу. Хотел все знать – получай.

– Нет, этого я бы предпочел не знать, – ответил Саймон, рухнув на диван. – Вот мы и приехали!

– Мы?

– А как же! Я так с тобой породнился, что мне тоже худо. В конце концов, я оказался свидетелем при заключении небывало короткого брака.

– Метишь в Книгу Гиннеса?

– Как тебе такая мысль: пойти извиниться, сказать, что все это – мимолетный приступ идиотизма?

– Я перестал себя понимать. Знаю одно: таким несчастным я еще никогда не был.

Саймон отправился на кухню, принес оттуда две откупоренные бутылочки пива и протянул одну Эндрю.

– Я переживаю за тебя, старик, переживаю за нее, а больше всего – за вас обоих. Если хочешь, можешь пожить недельку у меня.

– Зачем?

– Чтобы избежать одиночества и мрачных мыслей.

Эндрю поблагодарил Саймона, но, поразмыслив, решил, что мрачные мысли в одиночестве будут ему сейчас полезнее. Невелика кара по сравнению со страданием, которое он причинил Вэлери!

Саймон положил руку ему на плечо:

– Помнишь анекдот о подсудимом, который убил обоих родителей и просил о снисхождении по причине своего сиротства?

Эндрю вытаращил глаза, а через мгновение друзья разразились таким хохотом, какой может рождать только дружба и только в наихудшие моменты жизни.

В понедельник у Эндрю состоялся обед с главным редактором. Оливия Стерн выбрала ресторан подальше от редакции.

Никогда еще она не проявляла такого интереса к его статьям. Никогда не задавала столько вопросов об использованных им источниках, о встречах, о способах расследования. Не при-

трагиваясь к своей тарелке, она слушала его рассказ о командировках в Аргентину – так дети слушают рассказы взрослых о захватывающих событиях. Дважды Эндрю был готов поклясться, что Оливия Стерн вот-вот пустит слезу.

Обед завершился рукопожатием, благодарностью за исключительную работу и предложением написать на эту тему книгу. И, только выходя из-за стола, она сообщила о своем намерении задержать еще на неделю публикацию его статьи, чтобы в ближайшем номере разместить ее рекламу на первой полосе, а саму статью развернуть в следующем на целых две. Это был, возможно, еще не верный Пулитцер, но все равно знак отличия, который непременно повысит его реноме в журналистской среде. В ответ на вопрос Оливии (не предполагавший возражений), найдется ли у него материал, чтобы увеличить статью до такого размера, Эндрю заверил ее, что он немедленно засядет за работу.

Он и так собирался посвятить всю неделю только работе. Приходить в редакцию пораньше, довольствоваться на обед сэндвичем прямо за письменным столом, засиживаться допоздна и разве что разок-другой поужинать в компании Саймона.

Эндрю не отклонялся от этой программы. Небольшое нарушение, правда, все же произошло. В среду, выйдя из редакции, он испытал острое чувство дежавю. На углу 40-й улицы он как будто снова увидел через заднее стекло стоявшего у тротуара внедорожника лицо своей незнакомки из “Новеченто” и бросился туда со всех ног. На бегу он выронил папку, и страницы со статьей рассыпались по тротуару. Пока он их подбирал, пока выпрямлялся, машина успела исчезнуть.

После этого Эндрю решил проводить вечера в “Новеченто”: вдруг он снова повстречает там женщину, не дающую ему покоя? Раз за разом он тщетно дожидался ее там и возвращался домой раздосадованный и обессиленный.

В субботу с почтой доставили письмо: на конверте он разглядел знакомый почерк. Он оставил письмо на столе, решив не прикасаться к нему до тех пор, пока не закончит статью, которую с нетерпением ждала Оливия Стерн.

Отправив текст статьи главному редактору, он позвонил Саймону и соврал, что у него еще полно работы и их привычная встреча субботним вечером отменяется.

Потом уселся в гостиной на подоконник, набрал в легкие побольше прохладного воздуха и приступил наконец к чтению письма Вэлери.

Эндрю!

Это первое воскресенье без тебя с тех пор, как мы в юности расстались, и оно мне дорого далось. Я сбежала в семнадцать лет, ты – почти в сорок. Как мне заново научиться не знать, как ты живешь? Как заново научиться жить, когда я тебя не слышу?

Я боюсь своих воспоминаний о твоём мальчишеском взгляде, о звуке твоего мужского голоса, дарившего мне радость, о стуке твоего сердца, когда я клала руку тебе на грудь, слушала, как ты спишь, и не боялась ночи.

Потеряв тебя, я лишилась любовника, любимого, друга и брата. Долгий же траур мне предстоит!

Желаю тебе чудесной жизни, хотя иногда желаю тебе смерти – так сильно ты меня заставил страдать.

Я знаю, что где-то в этом городе, по которому я брожу одна, дышишь ты, а это уже немало.

Подписываюсь под этим письмом, выводя в первый и в последний раз слова “твоя жена” – вернее, та, которая пробыла ею всего один грустный день.

7

Почти все воскресенье он проспал. Накануне вечером он решил сильно напиться. Многие годы он демонстрировал в этом деле недюжинный талант. Засесть в четырех стенах значило бы добавить к путанице в голове еще и позорную нерешительность.

Он толкнул дверь “Новеченто” позже обычного, выпил больше обычного коктейлей из “Фернета” с колой – и вывалился из бара еще более расстроенный, чем обычно. В голове по-прежнему царила неразбериха, потому что он провел вечер один за стойкой, довольствуясь беседой с барменом. А потом среди ночи и безлюдья Эндрю Стилмена, изрядно пропитанного спиртным, разобрал безудержный смех. На смену приступу смеха пришла бездонная тоска. Битый час он рыдал, сидя на бордюре над водосточным желобом.

Других таких идиотов, как он, пришлось бы долго искать – а ведь он повидал их в жизни немало!

Проснувшись с диким похмельем – напоминанием, что ему уже далеко не двадцать лет, – Эндрю понял, до чего ему не хватает Вэлери. Он скучал по ней так, что сводило скулы, мечтал о ней так же упорно, как о той вечерней незнакомке, по неведомой причине тоже не выходившей у него из головы. Но одна была его женой, другая – иллюзией. К тому же он не переставал думать о письме Вэлери.

Он найдет способ добиться ее прощения, отыщет правильные слова – разве это не та область, в которой он съел не одну собаку?

Если статья, которая должна выйти завтра, принесет ему хоть немного славы, то он намерен разделить ее только с Вэлери.

В понедельник, выйдя из дому, он спустился по Чарльз-стрит, как делал каждое утро, и короткими перебежками устремился к реке.

Он дождался красного сигнала светофора для машин и пересек Уэст-хайвей. Когда он достиг островка безопасности, замигал зеленый человечек, но Эндрю по своей привычке все же ступил на мостовую. На возмущенные гудки он отвечал демонстрацией кулака с задранным к небу средним пальцем. Добравшись до аллеи Ривер-парка, он ускорил бег.

Вечером он позвонит в дверь Вэлери, попросит у нее прощения, скажет, насколько жалеет о своей выходке. Он больше не подвергал никакому сомнению свои чувства к ней и был готов биться головой о стену, если бы это помогло ему понять, что за приступ безумия заставил его все это натворить.

С момента их расставания минула неделя – семь дней кошмара, в который он вверг женщину своей жизни, семь дней подлого эгоизма. Больше этого не повторится, он даст ей самую священную клятву. Теперь у него будет одна задача – дарить ей счастье. Он уговорит ее все забыть, а если она заставит его пройти самый тяжкий крестный путь, чтобы заслужить ее прощение, то он готов проползти его на коленях!

Эндрю Стилмен добежал до 4-го пирса с единственной мыслью в голове – как снова завоевать сердце своей жены.

Внезапно он почувствовал жгучий укол в поясницу, за которым последовало ощущение, будто в животе все лопается и рвется. Если бы боль возникла выше в груди, он бы принял это за сердечный приступ. Потом стало невозможно дышать. Это была не иллюзия: ноги подкосились, и он едва успел вытянуть перед собой руки, чтобы не разбить при падении лицо.

Лежа ничком на асфальте, он пытался перевернуться, позвать на помощь. Ему было непонятно, почему из горла не вырывается ни единого звука, пока приступ кашля не помог вытолкнуть наружу густую жидкость.

Увидев растекающуюся у лица красную лужу, Эндрю сообразил, что это кровь – его кровь на аллее Ривер-парка. По непостижимой для него причине он истекал кровью, как животное на бойне. Перед глазами уже сгущалась черная пелена.

Он решил, что в него стреляли, хотя не помнил звука выстрела. Или его пырнули ножом? Последние мгновения, проведенные в сознании, Эндрю использовал для того, чтобы представить, кто бы мог покуситься на его жизнь.

Дышать почти не удавалось. Его покидали силы, он приготовился к неминуемому концу.

Говорят, в такие мгновения перед мысленным взором проносится вся прожитая жизнь, умирающий видит волшебный свет в конце тоннеля, слышит божественный глас, манящий его на тот свет. Ничего похожего! Последние секунды, проведенные Эндрю Стилменом в сознании, были всего лишь медленным, полным боли погружением в ничто.

В 7.15 утра в июльский понедельник свет померк, и Эндрю Стилмен понял, что сейчас умрет.

8

Ему в легкие ворвался ледяной воздух, по всем сосудам хлынула такая же ледяная влага. Слепящий свет мешал открыть глаза, страх тоже не давал поднять веки. Эндрю Стилмен задавался вопросом, где сейчас очнется – в чистилище или сразу в аду. Исходя из его последних действий, рай не светил ему ни в прямом, ни в переносном смысле.

Он больше не чувствовал биения собственного сердца, ему было холодно, чудовищно холодно.

Но раз смерть, как полагают, длится вечность, он не намеревался все это время оставаться в кромешной тьме. Он собрался с силами и приоткрыл глаза.

Ему показалось по меньшей мере странным, что он стоит, прислонившись к светофору, на перекрестке Чарльз-стрит и Уэст-Энд-хайвей.

Ад ни капельки не походил на то, о чем рассказывали на уроках катехизиса в католической школе Покипси, разве что этот перекресток служил лишь входом туда. Но учитывая, сколько раз Эндрю его пересекал, отправляясь на свой утренний моцион, можно было бы и раньше заметить зловещий характер этого места, если бы оно им обладало...

Дрожа как лист на ветру и ежась от растекающейся по спине влаги, он машинально покосился на часы. На них было ровно семь часов, до момента его убийства оставалось еще пятнадцать минут.

Эта фраза, сама собой сложившаяся в голове, показалась ему совершенно бессмысленной. Эндрю не верил в реинкарнацию, еще меньше – в воскрешение, позволившее ему вернуться на Землю за четверть часа до собственной гибели. Он огляделся. Вид утренних улиц совершенно не отличался от того, к какому он привык. Поток автомобилей в северном направлении, другой, в несколько раз более плотный, ползущий в противоположном направлении, в сторону финансового центра, бегуны на тянущейся вдоль реки аллее Ривер-парка...

Эндрю постарался собраться с мыслями. Смерть навсегда избавляет от физических страданий – это единственное, что он точно знал о смерти. Он чувствовал невыносимую боль в пояснице, а перед глазами плясали светящиеся точки, и это служило очевидным доказательством того, что его тело и душа еще не разлучились.

Дышать было очень трудно, однако он дышал – иначе откуда было взяться кашлю? К горлу подступила тошнота, он согнулся пополам, и все, что он съел на завтрак, переместилось в дождевой желоб.

О пробежке этим утром следовало забыть, о том, чтобы когда-либо еще в жизни позволить себе хотя бы каплю спиртного, даже любимый “Фернет” с колой – тем более. Счет, который ему только что предъявила жизнь, был слишком велик, чтобы снова приняться за старое.

Собрав остаток сил, Эндрю повернул обратно. Дома он примет душ, немного отдохнет, и все наладится.

Пока он шел, боль в спине постепенно утихла, и Эндрю убедил себя, что все дело в обмороке, продлившемся не больше нескольких секунд. Секунд, совершенно сбивших его с толку.

Он был готов поклясться, что в тот момент, когда ему стало плохо, он находился у 4-го пирса, а не на углу Чарльз-стрит. Он непременно расскажет врачу – а он уже знал, что без врача не обойдется, – об этом помрачении рассудка. Слишком тревожное происшествие, вызывающее оправданное беспокойство!

Его чувства к Вэлери не претерпели изменений. Вернее, претерпели: страх смерти их только усилил.

Когда все придет в норму, он позвонит в газету, предупредит, что задерживается, и помчится на такси в конюшню нью-йоркской конной полиции, где находился ветеринарный кабинет его жены. Нечего ждать, пора высказать ей свое сожаление и попросить прощения.

Эндрю толкнул дверь своего подъезда, поднялся на третий этаж, вставил ключ в замочную скважину и вошел в квартиру. Там ключ выпал у него из рук: в гостиной он обнаружил Вэлери. Она как ни в чем не бывало спросила, не видел ли он ее блузку, которую она накануне забрала из чистки. С тех пор как он отправился на пробежку, она ее всюду ищет – и никак не найдет.

Прервав на мгновение свои поиски, она взглянула на него и спросила, почему он так обалдело на нее смотрит.

Эндрю не нашелся что ответить.

– Чем стоять столбом, лучше помоги, иначе я опоздаю, а сегодня это некстати, прямо с утра к нам нагрянет санитарная инспекция.

Эндрю не шелохнулся. Рот у него пересох, губы словно склеились.

– Я сварила тебе кофе, он там, на кухне. Ты бы съел чего-нибудь, вон какой ты бледный. Слишком много и слишком быстро бегаешь. – Говоря это, Вэлери не прекращала поиски блузки. – Но сначала найди мне ее, умоляю! Придется тебе выделить мне место в гардеробе, надоело таскать вещи по одной из квартиры в квартиру. Видишь, к чему это приводит?

Эндрю шагнул к ней и схватил за руки, чтобы привлечь ее внимание.

– Не пойму, что это за игры, но то, что я застал тебя здесь, – лучшая неожиданность за всю мою жизнь. Ты мне, конечно, не поверишь, но я как раз собирался нанести визит в твой рабочий кабинет. Мне необходимо с тобой потолковать.

– Вот кстати! Мне с тобой тоже. Надо наконец решить, поедem ли мы в отпуск в Коннектикут. Так когда ты улетаешь в Аргентину? Ты говорил мне вчера о предстоящей командировке, но мне это так не понравилось, что я все сразу забыла.

– Зачем мне опять в Аргентину?

Вэлери оглянулась и внимательно на него посмотрела.

– Зачем мне опять в Аргентину? – повторил Эндрю.

– Разве газета не поручила тебе “крупнейшее расследование, которое запустит твою карьеру в небеса”? Я просто повторяю то, что ты втолковывал мне в эти выходные в чрезвычайном возбуждении, близком к помешательству. Твоя главная позвонила в пятницу и предложила тебе туда снова поехать, хотя ты только что оттуда вернулся. Она так настаивает, придает этому расследованию такое значение, что...

Эндрю отлично помнил этот разговор с Оливией Стерн, помнил и то, что состоялся он после его возвращения из первой командировки в Буэнос-Айрес, в начале мая, а теперь было уже начало июля...

– Она звонила мне в пятницу? – пролепетал Эндрю.

– Пойди перекуси, а то ты, кажется, не в себе.

Не отвечая ей, Эндрю метнулся в спальню, схватил пульт и включил телевизор. По каналу “Нью-Йорк-1” шел утренний выпуск новостей.

Ошарашенный Эндрю вдруг понял, что все “новости” для него совсем не новы. Трагический пожар на складе в Квинсе, унесший двадцать две жизни... Повышение стоимости въезда в город начиная с нынешнего дня... Только этот самый день уже два месяца как прошел.

Эндрю дождался даты на информационной строке внизу экрана: 7 мая! Пришлось сесть на кровать, чтобы попытаться осмыслить случившееся.

Ведущий метеостранички сообщал о приближении первого за сезон тропического урагана, теряющего силу по мере приближения к берегам Флориды. Эндрю Стилмен знал, что ведущий ошибается, что ураган под конец дня, наоборот, усилится, даже помнил, сколько жертв оставит это ненастье на американском побережье.

Портной сказал ему, что жизнь – не устройство, на котором можно нажатием одной кнопки проиграть выбранный отрезок пленки, что возвратиться вспять нельзя. Получается,

мистер Занетти ошибся. Кто-то где-то нажал на волшебную кнопку, отчего жизнь Эндрю Стилмена отмоталась на шестьдесят два дня назад.

Войдя в кухню, Эндрю с замиранием сердца открыл холодильник и обнаружил там то, что так боялся обнаружить: пластиковый пакет с блузкой, который его жена, то есть тогда еще не жена, случайно сунула туда вместе с йогуртами из магазинчика на углу.

Он торжественно вручил ей блузку, Вэлери спросила, почему она такая ледяная, Эндрю объяснил, и Вэлери пообещала, что больше никогда не будет упрекать его за рассеянность. Он слышал это обещание уже во второй раз: впервые оно прозвучало при тех же обстоятельствах двумя месяцами раньше.

– А кстати, зачем тебе понадобилось сегодня ко мне на работу? – спросила она, хватая свою сумочку.

– Просто так, соскучился.

Она чмокнула его в лоб и убежала. На бегу напомнила ему пожелать ей удачи и предупредила, что может задержаться дольше обычного.

Эндрю уже знал, что никакой санинспекции с проверкой не будет: как раз в этот момент инспектор угодил в автомобильную аварию на мосту Квинсборо.

В половине седьмого вечера Вэлери позвонит ему на работу и предложит сходить в кино. Они опоздают на сеанс по его вине – он задержится в редакции и, чтобы загладить вину, пригласит ее в ресторан.

У Эндрю была отличная память. Он всегда этим гордился и никогда не подумал бы, что из-за этого своего достоинства однажды впадет в такую панику.

Сидя в квартире один и обдумывая немыслимое, Эндрю понял, что в его распоряжении есть шестьдесят два дня, чтобы выяснить, кто его убил и почему.

Главное было успеть до того, как убийца осуществит свой замысел...

9

В редакции Эндрю решил ничего не менять в своем привычном расписании. Необходимо было взглянуть на ситуацию со стороны и хорошенько поразмыслить, прежде чем что-либо предпринимать. К тому же он читал в молодости фантастические романы о путешествиях в прошлое и помнил, что вмешательство в ход событий чревато катастрофическими последствиями.

Он посвятил весь рабочий день подготовке ко второй командировке в Аргентину, уже состоявшейся в его прошлой жизни. Правда, он не избежал соблазна поменять отель в Буэнос-Айресе: тот, где он останавливался в первый раз, оставил у него плохие воспоминания.

С Фредди Олсоном, соседом по кабинету, у него вышла короткая перепалка. Тот от зависти постоянно нападал на него на редакционных летучках, а то и пытался воровать у него сюжеты.

Эндрю хорошо помнил причину их конфликта, ведь он уже произошел. Тем хуже для мирового равновесия: он взял на себя инициативу, чтобы положить конец ссоре. Он просто выгнал Олсона вон, предотвратил появление главного редактора из ее стеклянной клетки и необходимость извиняться по ее требованию перед этим кретином в присутствии всех коллег.

Садясь за стол, Эндрю успокаивал себя: все равно ему не повторить каждый свой шаг двухмесячной давности. Может статься, он даже раздавит несколько букашек, не попавшихся ему на пути при пробежках по лужайкам Ривер-парка за последние два месяца... то есть в два предстоящих месяца, мысленно поправился он.

Идея бросить вызов сложившемуся ходу вещей пришла к нему по душе. Он еще не просил руки Вэлери – это должно было случиться через три дня после ее напоминания о новой поездке в Буэнос-Айрес, он еще не разбил ей сердце, следовательно, не из-за чего молить ее о прощении. Если бы не вероятность того, что все кончится через два месяца в луже крови, это возвращение вспять несло одно только благо.

В 18.30, отвечая на звонок Вэлери, он совершил оплошность: не дожидаясь ее предложения сходить в кино, заявил, что будет ждать ее в кинотеатре.

– Откуда ты знал, что я собираюсь предложить сходить в кино? – удивленно спросила она.

– Я не знал, – промямлил он, терзая карандаш. – А мысль хорошая, правда? Или ты предпочитаешь ужин в ресторане?

Подумав, Вэлери выбрала ресторан.

– Тогда я заказываю столик в “Омен”.

– Ты сегодня на высоте! Я о нем и подумала.

Эндрю так напрягся, что сломал карандаш.

– Бывает, – сказал он и спросил, как прошла инспекция, хотя знал, что она ответит.

– Никакой инспекции не было, – ответила Вэлери. – Инспектор по дороге к нам попал в аварию. Я расскажу тебе все за ужином.

Эндрю повесил трубку и произнес вслух:

– В предстоящие месяцы тебе придется быть осторожнее, иначе подозрений не избежать.

– Каких подозрений? – спросил Фредди Олсон, высунувшись из-за перегородки, отделившей его рабочее место от закутка Эндрю.

– Скажи, Олсон, мать тебя не учила, что подслушивать под дверь невежливо?

– Не вижу никакой двери, Стилмен. Ты такой наблюдательный, неужели ты не заметил, что у нас тут одно пространство на всех? Изволь говорить тише. Думаешь, мне доставляет радость слушать твои разговоры?

– Ничуть в этом не сомневаюсь.

– Так о чем же речь, мистер Карьерный Взлет?

– Что ты, собственно, имеешь в виду?

– Брось, Стилмен, здесь все знают, что ты заделался любимчиком Стерн. Что поделаться, корпоративная система, куда от нее денешься?

– Да, Олсон, твои журналистские таланты так велики, что заставляют тебя сомневаться, а действительно ли ты журналист, поэтому я не брошу в тебя камень. Будь я таким же пустым местом, как ты, тоже мучился бы сомнениями.

– Очень смешно! Но я не об этом, Стилмен. Не старайся выглядеть еще хуже, чем ты есть.

– Тогда о чем ты, Олсон?

– Стилмен-Штильман, Стерн-Штерн... У вас ведь общее происхождение, так?

Эндрю молча разглядывал Фредди. До него дошло, что в прошлой жизни – он еще не освоился с этим абсурдом – эта его ссора с Олсоном вспыхнула гораздо раньше, еще прежде, чем Оливия Стерн ушла домой. Она уже полчаса как удалилась вместе с остальными коллегами, покидавшими рабочие места около шести вечера. Под влиянием поступков Эндрю ход событий менялся, и он сделал вывод, что напрасно этим не пользуется. Он отвесил Фредди Олсону звонкую пощечину, тот едва устоял на ногах и надолго застыл, удивленно разинув рот.

– Черт, Стилмен, я могу вчинить тебе иск, – пригрозил он, растирая пострадавшую щеку. – Тут всюду понатыканы камеры.

– Действуй! А я объясню, почему дал тебе пощечину. Уверен, этот ролик будет иметь большой успех в Сети.

– Не воображай, что легко отделаешься!

– Напрасные угрозы! Лучше отвяжись. У меня встреча, я и так потерял из-за тебя время.

Забрав свой пиджак, Эндрю заспешил к лифтам, на бегу показывая средний палец Фредди, все еще державшемуся за пылающую щеку.

В кабине, спускаясь вниз, он сначала негодовал на коллегу, а потом решил успокоиться, чтобы Вэлери не заметила, как он взбуродоражен: о том, чтобы объяснить ей, что к чему, нечего было и думать.

Сидя в японском ресторанчике в Сохо, Эндрю никак не мог сосредоточиться на рассказе Вэлери. Стыда он не испытывал: весь их разговор он знал заранее. Пока она рассказывала, как прошел день, он обдумывал, как бы получше использовать ту тяжелую – это если выразаться мягко – ситуацию, в которой он оказался.

Он горько сожалел о том, что всегда пренебрегал новостями о состоянии мировых финансов. Достаточно было бы хотя бы немного ими интересоваться, чтобы сколотить теперь неплохое состояние. Если бы он запомнил биржевые курсы предстоящих – для него прошлых – недель, то манипуляции со своими сбережениями могли бы его озолотить. Однако ничто не вызывало у него такой смертельной скуки, как Уолл-стрит со всеми ее злоупотреблениями.

– Ты меня совершенно не слушаешь. Можно поинтересоваться, о чем ты все время думаешь?

– Ты только что говорила о Ликорисе, одном из твоих любимых жеребцов. У него тяжелое воспаление сухожилия, ты даже боишься, как бы его не уволили с полицейской службы. Один полицейский – черт, забыл фамилию! – в общем, тот, который на нем скачет, не переживет разлуку со своей верной клячей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.